

ААП

Ассоциация Аналитических Психологов

**IV Всероссийская научно-практическая
конференция по Аналитической психологии**

« ЭТИКА »

СВОБОДА И ОГРАНИЧЕНИЯ

Сборник статей и докладов

19, 20, 21 сентября 2025

📍 Город Самара

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 **МАРИЯ ЖУКОВА**
Вступительное слово
президента Ассоциации
Аналитических Психологов
- 4 **МАРИЯ ЖУКОВА**
Золотое правило
нравственности
и «предательство» аналитика
- 11 **ЛЕОНИД НЕМЦЕВ**
Рождение этики
в древнегреческих
мифах
- 24 **ЛЮДМИЛА ШАЛЬ**
Наша песня хороша,
начинай сначала!
Злоупотребления в
аналитической
практике
- 33 **АНАТОЛИЙ КИНЧАРОВ**
Что такое человек
Иммануила Канта?
Этическая концепция
- 41 **МАРИНА КОНТИ**
Этический парадокс
индивидуации: свобода и
ограничения на пути к себе
- 48 **ЯНА ЧЕТВЕРТУХИНА**
Роль архетипа
Трикстера на пути
от морали к этике
- 59 **НИНА КАНЕВСКАЯ**
С чего начинается этика?
Уровни сознания, истоки
опыта и телесная мудрость
- 67 **НАТАЛЬЯ ПАРОТИКОВА**
ИРИНА МУРЗИНА
Этика Юнга и Биона
в «Зеркале» Андрея Тарковского
- 89 **НАТАЛЬЯ КУРАКИНА**
Аналитическая концепция
симметричной активности в
отношениях «Мать и дитя»,
как условие для развития этики
осознанного и ответственного выбора
- 99 **ВАЛЕРИЙ МОСЕНКОВ**
«Мой дом, мои правила,
мой кофе». Этические
аспекты индивидуации

Дорогие коллеги,

Перед вами сборник материалов IV конференции Ассоциации аналитических психологов на тему «Этика. Свобода и ограничения». Прочитав доклады, представленные в сборнике, вы увидите, что авторы дают вовсе не упрощенное понимание этики как свода правил или внешних ограничений, а размышляют об этике как о внутренней рождающейся ответственности аналитика при работе с пациентом. Этика остается необходимым условием для истинной встречи как двоих, так и человека с самим собой.

Доклады и обсуждения на конференции разворачивались вокруг диалектики свободы и ограничений. И речь шла не только о вещах насущных и практических, важных для нас, как для практикующих специалистов, и касающихся сеттинга, границ и нейтральности, с одной стороны, и спонтанности, человечности и способности к искреннему контакту, с другой стороны. Мы говорили о процессе становления целостности человека – индивидуации, которая невозможна без этического измерения. Этот глубинный и часто одинокий путь протекает в поле общего, коллективного. Наше время обладает определенными особенностями, определенным «духом»: виртуальность, мгновенное распространение информации, новые формы идентичности, все это делает нашу работу еще более сложной, и этический выбор в кабинете становится не просто следованием кодексу, а живым откликом на вызовы нашего непростого и все ускоряющегося времени.

Мы надеемся, что этот сборник станет для вас приглашением к размышлениям, внутреннему диалогу, профессиональной рефлексии на тему этики и внутренней рождающейся ответственности как перед самим собой, так и перед нашими пациентами. Я закончу свое небольшое вступительное слово цитатой из книги К.Г. Юнга «Аion. Исследования феноменологии самости»: *«Невинность, равно как и наивность, здесь погибает. Тот, кто становится на путь индивидуации, обречен на то, чтобы знать о каждом своем шаге и чувствовать боль, которую причиняет сознание вины, даже вины перед самим собой».*

С уважением,
Президент ААП,
юнгианский аналитик
АППР/ААР
Жукова Мария Андреевна

Жукова Мария Андреевна

*Юнгианский аналитик
ААПР/ААР
Президент ААП
г. Санкт-Петербург, Россия
Nickma@yandex.ru*

Золотое правило нравственности и «предательство» аналитика

Аннотация

Зачастую человек приходит к нам в кабинет, когда его «делка с миром», основанная на золотом правиле, перестала работать. Попытка найти в аналитике судью, идеального родителя, «знающего» сталкивается с «аморальностью», а затем и «предательством» аналитика. Это «предательство» позволяет анализанту перейти от поиска внешнего разрешения к обретению внутреннего голоса, или, как писал Эрих Нойманн, перейти от «этики Эго» к «этике Самости».

Ключевые слова

Этическое, предательство, золотое правило морали, осевое время.

Конференция, к которой приурочен этот доклад, была посвящена этике и исследованию диалектической взаимосвязи между свободой и ограничениями в контексте этики. Каждый из докладов так или иначе отражал и описывал эту взаимосвязь. В своем докладе я хотела рассказать о наиболее интересной для себя связи – связи этического и аналитической работы. Тема возникла неожиданно. Помог случай: я стала невольной свидетельницей разговора, в котором одна женщина мельком упомянула, что она ушла от психолога, поскольку та оказалась *«аморальной и не поддержала ее»*. Сама формулировка показалась мне любопытной, и мои размышления потекли в определенном направлении. Как часто в глазах наших пациентов мы становимся аморальными и не поддерживающими и по каким причинам? Конечно, мне хотелось бы избежать упрощений, но не думаю, что удастся сделать это в полной мере, поскольку, по сути, я буду пересказывать вещи, давно вам известные. Но *«там, где опасность, там, однако, и спасение»*, – цитирует К.Г. Юнг Гельдерлина в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях» [6] (кстати, этот же эпиграф из Гельдерлина предваряет и книгу Э. Нойманна «Глубинная психология и новая этика», без которой невозможно размышлять на тему этики и анализа). Поэтому я буду думать, что эта простота облегчит нам вход в пространство конференции и поможет начать присутствовать в поле размышлений, образов и чувств относительно этики и этического.

Итак, я назвала свой доклад «Золотое правило нравственности и "предательство" аналитика». Золотое правило известно нам в разных формулировках и из совершенно различных источников – от «Махабхараты» до Ветхого и Нового Заветов. Цитирую по статье Абдусалама Гусейнова: «В сочинении Конфуция (552-479 до н.э.) «Лунь Юй» (XV, 24) мы читаем: *«Цзы Гун спросил: существует ли одно такое слово, которым можно руководствоваться всю жизнь? Учитель ответил: «Это слово – снисхождение (в других переводах – «взаимность», «забота о людях», «великодушие», «сострадание»)». Не делай другим того, чего не пожелаешь себе»* [1]. Древнеиудейские тексты содержат рассказ о нетерпеливом юноше, который готов был принять веру при условии, что ему изложат содержание Торы столь компактно, чтобы он мог прослушать его, стоя на одной ноге. Когда он пришел с этим к Хиллелу, тот ответил: *«Не делай никому того, что ты не хочешь, чтобы было сделано тебе. Это – вся Тора. Остальное – комментарии»*. Ну и, конечно, мы знаем золотое правило из Нагорной проповеди. Итак, *«поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой»*. Мы могли бы предполагать, что этот принцип отражает врожденную человеческую способность к эмпатии и саморефлексии, по крайней мере, так об этом писал Томас Гоббс. Джон Локк считал, что это правило должно быть воспринято и осознано человеком, оно неврожденное. Э. Кант оценивал

традиционное золотое правило критически. Помимо всего прочего, он справедливо полагал, что нравственные требования человека к самому себе могут быть сильно занижены. Как бы то ни было, мы знаем это правило и считаем его залогом хороших и относительно безопасных отношений с другими людьми.

«Золотое правило в свернутом виде содержит этическую стратегию поведения, сформулированную по контрасту и в противовес нравственным устоям первобытного, доцивилизационного (родоплеменного, кланового) строя жизни, который держался на двух фундаментальных принципах: а) изначальном, безусловном разделении людей на «своих» и «чужих»; б) коллективной ответственности индивидов в пределах родовой общности. Золотое правило задает нравственную перспективу, в которой радикальным образом снимаются оба этих принципа. По контрасту с ними: а) формулируется равенство людей независимо от какой бы то ни было их групповой принадлежности и б) утверждается принцип индивидуальной ответственности поведения» [1].

Отмечу еще лишь то, что золотое правило формировалось в тот период в истории человечества, когда на смену мифологическому мировоззрению пришло рациональное. Этот период К. Ясперс называл Осевым временем [7]. И мы живем в нем и сейчас. Мы – люди Осевого времени. Возможно, мы и подходим к возникновению нового Осевого времени, но это не точно. Поэтому пока мы живем в старом.

Являясь в широком смысле людьми Осевого времени, мы используем золотое правило, вполне справедливо считая его основой здравого смысла и успешного общежития. *«Я хорош, мои желания хороши, и именно поэтому я буду обращаться с тобой хорошо, так как этого хочу я».* При этом, будучи аналитиками, мы можем предполагать, что люди в целом (да и мы сами зачастую, но мы работаем над этим) не очень ясно осознают собственные желания и путаются в представлениях о том, что если нечто желанно для него, то и для других это будет представлять благо. И, соответственно, мы очень расстраиваемся, когда предполагаемое благо от ближнего нашего наносит нам моральный урон.

Золотое правило в его буквальной форме императива («поступай так!») является классическим выражением того, что Э. Нойманн называет «Старой Этикой», или этикой Эго [4]. Позволю себе напомнить о том, что такое «старая этика» по Э. Нойманну. В своей работе он дает множество определений этого понятия, но, по сути, это «отрицание отрицательного» – активное и систематическое исключение негативного и сознательное стремление Эго к односторонности. При подавлении негативного компонента приносится определенная жертва, которая приводит к страданию. Мы могли бы сказать, что это страдание должно утешать Эго, но чаще всего этого не происходит.

Э. Нойманн пишет: «...подавление и вытеснение составляют два основных метода, используемых индивидом для адаптации к этическому идеалу. Естественно, такое стремление к адаптации приводит к формированию в личности двух психических систем, одна из которых обычно остается полностью бессознательной, а другая при активной поддержке со стороны Эго и сознательного ума превращается в важный орган психики» [4]. Речь, как вы понимаете, идет о формировании Тени и Персоны.

Ультимативная логика золотого правила нравственности заводит Эго человека в тупик. Ведь оно не отвечает на вопрос, зачем быть нравственным, оно лишь дает рекомендацию, как быть нравственным. Зачастую человек приходит к нам в кабинет, когда его «сделка с миром», основанная на золотом правиле, перестает работать. Эго погружено в аффект и не способно справиться с поражением. «Я старался быть "хорошим" (поступал с другими "правильно"), а мир ко мне несправедлив (со мной поступают "плохо")». Принесенная жертва «собственной хорошести» не спасает от жгучего чувства несправедливости и бессмысленности произошедшего. Происходит крах старой этики.

Но при чем же здесь «предательство» аналитика? Какая фантазия у вас возникает, когда кто бы то ни было говорит об аморальности аналитика или его беспринципности? Многие из нас, наученные как собственным горьким опытом, так и вооруженные реальными клиническими примерами нарушений и злоупотреблений со стороны аналитиков, могут подумать о самом страшном – вольном или невольном, осознанном или бессознательном нарушении границ и использовании разной степени тяжести.

Однако дело в том, что зачастую, говоря об аморальности и беспринципности аналитика, анализант имеет в виду лишь то, что аналитик отказался играть ту роль, которую иногда вполне осознанно – так люди представляют себе роль психолога, аналитика, – а иногда вполне бессознательно предлагает анализант.

Что это за роль? Прежде всего, это проекция Супер Эго, Судьи, Родителя, «Того, кто знает, как». Эта роль по сценарию требует разыграть сцену суда: ты прав, они – не правы. На аналитика возлагается роль морального арбитра, который должен разобраться. Бессознательное пациента приписывает аналитику качества колдуна или ведьмы. Если анализант сможет убедить аналитика в своей моральности, он, наконец, получит любовь, успех, признание, которые ему не выплатил мир за его «хорошесть». «Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная?» – спрашивает Морозко терпеливую падчерицу. Она кротко отвечает: «Тепло, дедушка» [3]. Тронутый ее смирением и добрым нравом, он одаривает ее богатствами.

Мы не можем распоряжаться богатствами души нашего пациента, но мы можем их вместе искать. Мы становимся свидетелем и проводником.

Здесь я предлагаю вспомнить замечательную книгу Адольфа Гюгенбюль-Крейга «Власть архетипа в психотерапии и медицине» [2], в которой он говорит, в том числе и о том, что, лишь отказавшись от властных притязаний и исключительного знания относительно жизни анализанта, аналитик сможет проводить анализ. Мы отказываемся играть роль судьи, мы не можем выносить вердикты, и для многих наших анализантов это и выглядит как предательство. Вместо того чтобы присоединиться к осуждению других, мы предлагаем анализанту его самого и его собственную роль в системе отношений с миром. При этом наше внимание и интерес к тому, что сам анализант может считать непростительным грехом – зависти, ярости, сластолюбия и тому, что мы называем Тенью, – может вызывать у анализанта чувство глубокого беспокойства и ощущения нашей аморальности.

Однажды на сообщение пациента о том, что он хотел бы некорректно обойтись со своим бизнес-партнером, поскольку некоторое время назад этот бизнес-партнер проделал с ним ровно то же самое, по его мнению, я весьма неаккуратно ответила на его сообщение: *«М-м, бывает»*, – чем вызвала его серьезное беспокойство, о котором он и рассказал мне через неделю. Его вопрос звучал так: *«А вы всегда такая аморальная?»*. Он проецировал на меня осуждающую фигуру, я должна была удержать его от «греха», но мой отказ от морализирующей позиции вызвал его тревогу. Он столкнулся с собственным самоосуждением, с которым еще был не способен справиться. Его теневые аспекты были бессознательны и полностью спроецированы на партнера, а Супер Эго – на аналитика, который эту проекцию не принял. В результате он почувствовал себя очень плохим человеком, а хотел бы чувствовать себя справедливым и честным. Мое высказывание он воспринял как отсутствие поддержки и потерю ориентиров, по сути, как предательство.

В самом простом бытовом смысле золотое правило призвано дать нам возможность избежать дискомфорта. Простая человеческая вежливость также основана на нем: *«Говори другому приятно, ведь и ты хотел бы слышать приятно»*. И это этика Эго, стремящегося избежать дискомфорта. Так что в каком-то смысле в кабинете мы постоянно нарушаем золотое правило нравственности, сообщая анализантам то, чего, возможно, не хотели бы слышать сами в частной ситуации. На этом парадоксе, кстати, основаны многочисленные мемы: *«А вы, правда, психолог?»*, которые эксплуатируют тему аналитической садистичности. Но этим и отличается аналитическая ситуация от ситуации бытовой. Помимо того, что мы не являемся судьями и моральными ориентирами, мы еще и не друзья для наших анализантов, несмотря на то, что становимся близки. Мы говорим им слишком много неприятных вещей. Да, из друзей бы нас давно уже выгнали. Анализ не доставляет удовольствия, но он приносит благо (мне хотелось бы в это верить). Задайте сейчас себе вопрос: чего бы вы хотели от своего аналитика?

Попробуйте ответить внутри себя на него.

Я приведу в пример историю, достаточно распространенную.

Женщина знает о существовании любовницы у своего мужа. Она молчит об этом, желая спасти брак и полагая, что так будет лучше для всех. Ее муж, не выдерживая напряжения, сообщает ей о том, что у него есть связь с другой женщиной, и оскорбленная жена говорит: «Зачем ты сказал мне об этом, ведь я находила возможность молчать и справляться, я сохраняла наш брак?» Придя к аналитику, она ждет получения моральной оценки поведению мужа. Однако, присоединяясь к ее горю, тоске, ярости, мы не можем поддержать ее в желании морального триумфа. Она говорит аналитику: «Ну, вы же тоже женщина, вы должны были бы понять и поддержать меня». Пренебрегая ее сиюминутным желанием услышать что-то приятное ради ее долгосрочного блага, аналитик отвечает не с позиции «женской солидарности», а с позиции аналитической функции, предлагая исследовать, почему так важно было находить возможность молчать и что стоит за страхом потерять брак?

Это болезненные, «предательские» вопросы, они не подтверждают «хорошесть» анализантки и не осуждают «плохого» мужа. Аналитик не дает моральных оценок, не судит, не соединяется с проекцией Супер Эго, он лишь возвращает фокус внимания на страдания самой женщины, на ее внутреннюю стратегию выживания. И это болезненно, потому что затрагивает ее собственную уязвимость и конфликты, а не внешнего «виноватого».

Раскрывается работа Старой этики. Молчание женщины не было свободным выбором; это была неосознанная сделка: «Я буду терпеть боль и унижение (поступлю с собой так, как не посмела бы поступить с другим), а взамен получу иллюзию контроля и сохранения брака». Мы всего лишь показываем, что сделка не сработала. За словами «я сохраняла наш брак» скрывается отрицание реальности – желаемого ей брака, по сути, уже нет, и всемогущий контроль – ее молчание может контролировать действия мужа и сохранять отношения. Готовность платить любую цену (включая чувство собственного достоинства) за формальный статус.

Переход к этике Самости начинается в тот момент, когда аналитик предлагает исследовать не «кого судить», а «какую боль вы пытались заглушить этим молчанием?» и «какую часть себя вам пришлось похоронить, чтобы поддерживать эти отношения?».

Это и есть тот самый отказ от «приятной лжи» во имя «горькой правды» – правды о ее собственных неосознанных страхах, невысказанных потребностях и утраченном самоуважении. «Предательство» аналитика

заключается в том, что он отказывается поддерживать моральный триумф жертвы и вместо этого предлагает исследовать систему созависимости, в которой оказалась клиентка. «Предательство» становится актом истинной этики, направленной не на одобрение, а на целостность.

Таким образом, «предательство» аналитика становится ключевым этическим актом и одновременно точкой кризиса в анализе. Именно после «предательства» аналитика и начинается путь анализанта от внешнего разрешения к обретению внутреннего голоса, от этики Эго, старой этики, к этике Самости, новой этике, этике принятия ответственности за свою Тень, распознаванию собственного зла от общего зла, этике процесса индивидуации. Теперь мы можем позволить себе не быть «добрыми» с нравственной точки зрения, но мы не можем позволить себе быть бессознательными. Целью становится не быть «хорошим», но быть целостным. При этом аналитику важно не взять на себя проекцию обладателя «этики Самости». Э. Эдингер писал, что вся этика процесса индивидуации заключается в том, чтобы Эго научилось распознавать волю Самости и добровольно подчинилось ее трансцендентной функции [5].

Список использованной литературы

1. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности [Электронный ресурс]. - URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/guseinov_gr.html (дата обращения 1.09.2025).
2. Гюггенбюль-Крейг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине. – Москва: КДУ, Добросвет, 2021.
3. Морозко. Русские народные сказки / Сост. К. Д. Ушинский. – Москва: АСТ, 2024.
4. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. – Москва: Академический проект, 1999.
5. Эдингер Э. Эго и Архетип. – Москва: Миф, 2024.
6. Юнг К. Г. Воспоминания, размышления, сновидения. – Москва: АСТ, 1998.
7. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. – Москва: Политиздат, 1991.

Немцев Леонид Владимирович

*Кандидат филологических наук
Доцент кафедры русского
языка и литературы СГИК
лектор ИАП
г. Самара, Россия*

Рождение этики в древнегреческих мифах

Аннотация

Этические вопросы неизбежно возникают в жизни социума, и первой из таких проблем становится различие добра и зла. Потом рождается тема отношений с богами и правильных обрядов (миф о Прометее), справедливости (миф об Ахилле) и благочестии (миф об Энее). Один из самых ярких вопросов древней морали – преодоление эгоизма (миф о Геракле). Мифы не могут устареть, потому что являются отражением человеческой психики. Не является ли мифологическая система полем вопросов о балансе Эго и коллектива, Эго и Самости?

Ключевые слова

Этика, миф, архетип, К.Г. Юнг, инициация, неопределенность.

* * *

Этика появляется с момента возникновения социогенеза, с зарождения социума. Можно перефразировать Христа: там, где двое или трое собрались вместе, там непременно возникают этические вопросы. Каждый член общества является носителем целостной картины, которую необходимо оберегать, заботиться о порядке. При этом именно верховные боги (одна из них – Великая Мать) несут в себе разрушение, провоцируют войны и катастрофы, всеми способами усложняют жизнь человека.

В первобытных обществах инициация, как правило, сопряжена с различными испытаниями, часто весьма мучительными: например, нанесением татуировок, телесных повреждений, укусами муравьев, хирургическими вмешательствами, особенно в область гениталий и т. д. Нередко применяются различные средства, вызывающие сонливость или значительное снижение болевой чувствительности, благодаря чему создавались условия для преодоления болезненных испытаний. В традиционных обществах охотников-собирателей в ходе инициации погибал каждый десятый иницируемый.

Понятие «ритуал» было узурпировано похоронным бизнесом без всяких на то оснований. Ведь «ритуальные услуги» должны включать в себя и проведение свадеб, и родовспоможение, и обучение этикету, и многое другое. А вот самого главного в «ритуальных услугах» так и не возникло – это подготовки к восприятию смерти, ответ на вопрос, что ожидает после нее. И этот вопрос – совсем недосужий, много всего может открыться в одном только этом вопросе...

Смерть – это один из главных синонимов инициации. Мы всю жизнь готовимся к ней, совершая переходы, которые не всегда можем правильно осмыслить.

- Этика – философское учение о морали (нравственности), которое называют «практической философией», «учением о правильной жизни».

- Этика – это гуманистическая идеология, которая помогает сохранять, развивать и существовать человеческой цивилизации в изменяющихся обстоятельствах.

Демокрит (460–370 до н. э.) считал, что разум вывел человека из дикости, разумный человек всегда нравствен, поскольку понимает, что достижение счастья требует здорового состояния тела и души. Он впервые приблизился к пониманию совести, подчеркнув, что стыдиться самого себя важнее, чем сотни свидетелей.

По Сократу истинное знание – мудрость, сущность всех добродетелей. Такую мудрость мы соотносим с Самостью.

В идеальном государстве Платона правителями являются мудрецы, ибо

их добродетель – мудрость – является высшей; добродетель стражей, выполняющих воинские и правоохранительные функции, – мужество; всем остальным присуща добродетель благоразумия, заключающаяся в исполнении требований мудрецов и стражей. Такую мудрость мы соотносим с архетипом Сенекаса.

В отличие от Платона Аристотель (384–322 до н. э.) более психологичен, он считал [2] добродетели качествами не изначальными, а приобретаемыми в деятельности. Такую деятельность мы соотносим с индивидуацией. Человек обладает свободной волей и может направлять ее к собственному благу и благу государства, и, значит, целью этики является воспитание гражданина государства. При рассмотрении важнейшей этической добродетели – справедливости – Аристотель заложил основы права и политэкономии.

* * *

Но хочется поговорить об истоках этики. И тут, в истоках, мы рискуем постоянно оступаться. Изначальная этика – это не набор готовых формул, не законы Хаммурапи и тем более не Русская Правда. Это величайший страх разгневать Богов, страх этот не принимает форму Завета с Богом (то есть договора), напротив – это чаще всего обман и кощунство.

Миф дает эвристические сообщения, которые невозможно разжевывать. И поэтому Прометей присутствует везде. Мы видим отголоски мифа о первородном грехе, о любопытстве Евы, о работе Адама «в поте лица». Более того, Прометей, совершивший подвиг во имя людей, так же приносит себя в жертву, как Христос. Оба были распяты, вступая в спор с могуществом бога и защищая человека как безусловную ценность.

Одна из версий мифа вводит в повествование жертвенных быков и мотив священной коровы. В «Теогонии» говорится, что боги и люди решили разделить свои права и обязанности. Прометею поручено вершить суд. В качестве символического объекта выбрано жертвоприношение быка. Реплика в сторону: первобытному человеку сначала нравились потроха животных, потому что мясо не сразу «помягчело», а в результате селекции, а до этого его часами варили в молоке, тогда как внутренности были вполне съедобны. И в процессе жертвоприношения именно их – как самое ценное – следовало посвящать богам. Прометей сделал две кучи: в одну наложил костей, густо смазанных салом, а в другую положил мясо и потроха, прикрыв их шкурой и вывернутым желудком. Дальше выбор предлагается Зевсу. Здесь опять нелогичность: Прометей не доводит задание до конца, он создал условия для махинации и переадресует окончательный выбор самому Зевсу. Тому, конечно, приглянулись блестящие кости. В итоге люди получили пищу получше. В сущности, в этом мифе решается вопрос об отказе от

вегетарианства Золотого века. А Прометей понес наказание. Между прочим, его бессмертная печень отрастает в условиях ночного холода, таким образом вновь зажигая в нем жизненный огонь. Солярная часть мифа здесь тоже очевидна. Печень Прометея ничем не отличается от колеса Феба. Это солнце, которое восходит на востоке – в крайних пределах мира (на древнегреческой карте), где и прикован Прометей.

Миф говорит нам о том, как люди были избавлены от изначального животного невежества. И получили возможности для развития и процветания. Постепенно огонь становится символом очищения, освобождения от хаоса и заблуждений. Геракл, создавший мистерии совершенствования человека, идет путем Прометея и освобождает своего учителя. Прометей – деятельный творец, полный плодотворных противоречий и страсти созидания, в итоге находит для себя мастерскую, в которой предается неутомимой изобретательской работе. Прометей преобразует материю, плавит металл и точно так же отделяет материальную природу человека от духовной.

Сначала Зевс является нам как жестокий тиран, озлобленный на людей. Его поведение породило революционный дух, и Прометей стал символ борьбы за справедливость. Но он все время дает задания, которые изобличают в нем высшую творящую энергию. Пожалуй, редко где еще Зевс так охотно предстает в роли обманутого хозяина. Зевс провоцирует человека встать на путь совершенствования. Его демонстративный гнев, его приятие совершенных ошибок не приводят к уничтожению человечества и страшным бедствиям. Через Прометея всеведущий бог передает людям наивысший подарок – разум. После понесенного наказания Прометей прощен, и Геракл становится первым человеком, взошедшим на Олимп, человеком, ставшим богом. Потом Зевс возвестил, что рождается его возлюбленный сын, Ахиллес. Посейдон смирил свой гнев и решил предупредить Зевса, что Ахиллес способен его свергнуть. Но это уже другая история.

Испуг, трудности и страдания – такие же божественные подсказки, как и озарения, воодушевление и чудеса. Научить извлекать опыт из сомнительных побуждений, ошибок, помрачений может Геракл, основатель самых популярных мистерий «Двенадцати подвигов». Но воображением, позволяющему озирать бескрайние земли, видеть невидимое и заглядывать в будущее, мы обязаны только Прометею.

Сизиф (или Сисиф, как его называли сами греки) слишком древний персонаж, чтобы мы могли с ним познакомиться без проблем. Гомер уже торопится закрыть эту тему, называя Сизифа корыстолюбивым хитрецом. Это проще, ведь на место Сизифа пришли другие мифологические персонажи, которым были переданы его функции.

Но о Сизифе нам известно не так уж мало. Он называется сыном Эола, царя Фессалии (потомка Прометея через Эллина, чьим именем называлась

Греция). Между прочим, Эллин – первый царь после Великого потопа, который можно назвать следствием последнего Ледникового периода (глобальный период Вюрм окончился 12-15 тыс. лет назад, последнее похолодание случилось 5,5 тыс. лет назад). Мир изменился, изменился климат, изменились правила выживания. Известная нам мифология рассматривает те вопросы, которые встали перед человечеством в период примерно 4 тыс. лет назад, когда упал уровень мирового океана. Боги перестали гневаться, мир начал приобретать стабильные основания. И Сизифа, как и Прометея, следует считать не царем, а вождем еще первобытного племени. Из основанной им Эфиры впоследствии вырос могущественный Коринф.

Сизифу в наследство от прадедушки Прометея достается родовое проклятие. Он тоже разглашает тайны богов, то есть вступает с ними в спор во благо человечества, которому боги не уготовили славной участи. Он знал, что Зевс похитил Эгину и выменял за данные сведения у ее отца Асона воду, которая была необходима жителям Верхнего Коринфа (по сути, это город в горах, возможно, построенный еще тогда, когда уровень мирового океана был значительно выше). Воду удалось получить, а Асона (не Сизифа) Зевс просто поразил молнией. По другой версии, сам Сизиф похитил девушку Тиро, она родила двух детей, чье предназначение было – отомстить своему деду Салмонею. Ему было за что мстить, он был человек дурной, называл себя Зевсом и метал в подданных горящие факелы, за что в итоге его поразило молнией. Тиро не хотела мести и поэтому убила своих детей от Сизифа (в чем она пересекается с образом Медеи, жены Ясона). И за это Сизиф был наказан... Как видим, вина его довольно косвенная.

Есть версии, что Сизиф был разбойником с большой дороги и что ему удалось перехитрить Танатоса, бога смерти, а то и самого Аида. Смерть пришла за Сизифом, а он приковал ее к стулу и долго держал в плену (видимо, древние греки после этого предпочли обедать лежа). В это время люди перестали умирать, а среди богов наступил продовольственный кризис, так как они не получали пышных жертвоприношений. Аресу пришлось освободить Танатоса-Аида, и душа Сизифа оказалась в подземном мире. Но и тут Сизиф схитрил. Он подговорил супругу не совершать по нему погребального обряда. Персефона и ее муж Аид не могли дожидаться жертвенных даров (опять возникает образ продовольственного гипермаркета, где шаром покати, только сода и килька в томате), поэтому отпустили Сизифа на три дня, чтобы он «вразумил» свою жену. Воскрешенный Сизиф, конечно же, устроил пирушку и не торопился с возвращением. Дело затянулось на несколько лет, тогда боги заметили, что Сизифа нет среди мертвых, и отправили за ним Гермеса.

Наказание Сизифу было дано довольно интересное. Он получил увлекательную работу – поднимать на остроконечную гору огромный камень, который благополучно скатывался с другой стороны в самые бездны Тартара.

И так далее. Обычные души, избежавшие наказания, получали дикое состояние звериного беспамятства. А Сизиф вечно помнит себя и свое предназначение.

Перед нами особое жизнелюбие, гордыня, отягченная заботой о людях, и причудливая форма бессмертия. Ахилл поведал Одиссею, что лучше быть последним человеком при жизни, чем оставаться царем среди мертвых. В случае с Сизифом мы видим куда более интересный вариант: он страдает, становится богом, а потом спускается с горы, насвистывая и помахивая тросточкой (как чеховский Архиерей в его предсмертном видении).

Греческий миф о Сизифе [3] – это миф о попытках навязать миру свои представления вопреки высшим законам и воле судьбы. Образ Сизифа кладет конец человеческим мечтам о вечной жизни. В качестве наказания за эти мечты следует дурная бесконечность бессмысленного и повторяемого действия. Вариация этого мифа – история Агасфера, который обрел бессмертие, но вынужден вечно скитаться, нигде не смея попросить ночлега. Подобные мотивы касаются Каина, Иуды Искарюта, Брана, Тангейзера, Летучего Голландца и Дэйви Джонса. И дурная бесконечность здесь – ключевое понятие, которое прямо обратно вечному возвращению.

Конечно, интересно порассуждать, не положил ли Аристотель миф о Сизифе в основу теории композиции произведения: Вступление – Сизиф начинает толкать камень, Кульминация – камень балансирует на вершине (culmen – это и есть вершина по-латыни, а по-гречески – акмэ), Заключение – Сизиф спускается с горы.

* * *

То есть Этика – это система представлений, за которые отвечает архетип Вождя и архетип Сенекса (Мудрого Старца).

Мы знаем, К.Г. Юнг утверждал, что не снятие противоречий, а *«гармоничное сосуществование нравственных противоположностей является естественной истиной»* [7]. И доказательством такой гармонии для него стало наше сновидение. Смысл сновидения выражен мнением и голосом мудрого мага, восходящего по прямой линии к фигуре шамана в первобытном обществе. Этику сновидения К.Г. Юнг предлагает увидеть в образе Заратустры, Гермеса Трисмегиста, Орфея или Люцифера (если бы это не обросло всякого рода предрассудками). Это фигура Сенекса, мудрого старца.

Едва соприкоснувшись с бессознательным, мы *становимся* им – мы перестаем осознавать самих себя. В этом главная опасность – древняя, как само человечество. Она инстинктивно ощущается первобытным человеком...

Волна бессознательного легко может захлестнуть его, и тогда человек забывает о том, кем он был, совершает поступки, чуждые ему. По этой

причине дикари боятся неуправляемых эмоций – под их влиянием сознание ослабевает и уступает место одержимости. Все стремления человечества, таким образом, были направлены на укрепление сознания. Этой цели служили ритуалы и догматы; они были плотинами и стенами, защищающими от опасностей бессознательного, «проклятий души».

Первобытные ритуалы, соответственно, включали в себя изгнание духов, освобождение от чар, нейтрализацию дурных предзнаменований, очищение, содействие нужным явлениям с помощью магии.

Именно эти барьеры, воздвигнутые в глубокой древности, позже стали фундаментом, на котором сегодня зиждется здание церкви. Именно эти барьеры рушатся, когда символы слабеют от старости. Тогда воды поднимаются выше, и на человечество обрушивается волна катастроф.

Религиозный вождь индейцев из Таос-Пуэбло по имени Локо Тененте Гобернадор сказал К.Г. Юнгу: *«Американцам следует перестать теснить нашу религию, ибо когда она умрет, и мы больше не сможем помогать нашему Отцу-Солнцу двигаться по небу, американцы и весь мир кое-чему научатся, ибо Солнце больше не будет всходить»*. Это значит, что настанет ночь, погаснет свет сознания и мир затопит темное море бессознательного.

Получается, что этика (как бы мы ее не называли) – это определенная модель поведения, которая опирается на ритуалы и догматы, а те выведены из договора между космосом и хаосом или между сознанием и бессознательным.

Владимир Пропп доказал нам, что все волшебные сказки посвящены инициации (ритуалу перехода). Основной урок инициации – опыт утраты Эго в виде статуса, положения в обществе и в виде особой уверенности подростка, что он пуп земли и с ним ничего не может случиться.

Как мы видели, подвиги Геракла – это уже не подростковая инициация, а инициация вождя или Бога, то есть зрелого человека, который расширяет свое Эго, начинает включать в него своих ближних (Геракл умиротворяет архетип Пуэра, раскрывает архетип Сенекса и интегрируется с Самостью). Сначала он усваивает уроки равновесия, бескорыстия и победы над природой желаний, а потом приходит к победе над индивидуализмом, бескорыстному служению, коллективной работе и самопожертвованию.

Геракл достигает апогея при очищении Авгиевых конюшен. Тридцать лет царь Авгий не убирал навоз, который его стада оставляли в конюшнях. Вскоре и поля стали такими загрязненными, что никакой урожай нельзя было на них вырастить. В результате по земле распространилась губительная зараза, унося множество человеческих жизней.

Это урок рационального мышления – Геракл вычистил конюшни, но сделал это, направив на скотный двор потоки двух рек (символы жизненных сил), которые и смыли все нечистоты.

* * *

Вот текст из «Мифологической библиотеки» Аполлодора (он небольшой) [1]:

«(2.5.5) Пятым подвигом (Эвристей) назначил ему убрать скопившийся навоз на скотных дворах Авгия за один день. Авгий же этот был царем Элиды и, как говорят одни, сыном Гелиоса, другие – сыном Посейдона, иные же – Форбанта. Он имел большие выпасаемые стада. Придя к нему, Геракл, не объявив наказа Эвристея, сказал, что он за один день вынесет навоз, если (Авгий) даст ему за это десятую часть скота. Авгий же, не поверив, согласился. Взяв свидетелем сына Авгия Филея, Геракл разобрал стену узкого скотного двора и, подведя воды текущих поблизости рек Алфея и Пеней, провел их течение через другой выход. Когда же Авгий узнал, что все это совершено по распоряжению Эвристея, он не дал mzды и стал вообще отрицать, что обещал дать mzду. И (еще) он сказал, что готов судиться из-за этого. Когда судьи уже уселись, вызванный Гераклом Филей свидетельствовал против своего отца, говоря, что тот (действительно) соглашался дать mzду. Но, прежде чем, судьи вынесли постановление суда, разгневанный Авгий потребовал, чтобы Филей и Геракл убирались из Элиды. Вот Филей и ушел на Дулихий, где поселился.

...Эвристей же и этот подвиг не причислил к числу десяти, говоря, что тот содеял его за mzду».

На мифе стоит остановиться подробнее, в нем куда больше этических проблем, чем кажется. Зараза от нечистот оценивается как смертельная! Название реки Алфей (или у греков АльфеОс) – может быть связано с очень древним словом «мудрый».

Полный текст мифа очень интересен, он связан с завершением всех испытаний Геракла. Мы видим, что все обманывают Геракла, при этом он не проявляет привычной ему агрессии, безропотно возвращается к Эврисфею и ждет нового поручения. Мы видим поступок вождя. Благо сотворено для жителей Элиды (они уж точно стали почитать Геракла как Бога, их поля стали плодоносить, воздух очистился).

У мифа есть продолжение. Месть там все-таки имела место. Позже, освободившись от службы, Геракл с войском вторгся в Элиду, победил и убил Авгия, учредив после победы олимпийские игры (Олимпийские игры изначально могли выглядеть как прекрасно организованная практика инициации для юношей, Олимпия была священным местом и там проходили самые важные религиозные обряды). Олимпийские игры праздновались каждые четыре года на священной равнине, обсаженной оливами, самим Гераклом посвященными богине Афине Палладе. То есть итогом всего пути Геракла становится победа над Авгием, учреждение Мистерий Геракла и

посвящение роши Афине (Мудрости).

Но обратите внимание на поведение сына Авгия Филея (его имя переводится как «друг»). Суть подвига раскрывается во время суда. Филей честен в суде, он говорит правду (об обещании отца заплатить Гераклу 10-ю частью стада). За это он был изгнан отцом. Авгий ведет себя бесчестно: обманывает, не платит обещанного, изгоняет сына и Геракла прямо во время суда, чем вмешивается в решение суда. На первый план выходит справедливость. За нее и пострадал Филей.

Или не пострадал, а сепарировался от жестокого отца и проявил нравственную стойкость. Видно, что Геракл здесь выступает как старший наставник. Юноша прошел нешуточное испытание, в итоге потерял связь с земным отцом и, возможно, обрел покровительство будущего Бога.

В любом случае история Филея – это основа для трагического противоречия, столкновения семейной правды и правды мироустройства. Это противоречие между долгом и честью, как и в случае с Антигоной, которая нарушила приказ царя Фив и совершила обряд погребения над родным братом, объявленным преступником.

Важность именно этого мифа нам откроется, как только мы вспомним, каким словом греки называли ОЧИЩЕНИЕ Авгиевых конюшен. Это слово «катарсис»! Более древнее слово во времена Геракла звучало как элеузО, но его через несколько веков запрещено было использовать, чтобы не разглашать таинство Элевсинских мистерий. В молитве «Кирие элейзон» (то же греческое слово, кстати, эта формула сохранилась и в латинской молитвенной практике, и в православной – везде произносят фразу «Кирие элейзон», господи, помилуй). Помилуй – то есть облегчи и очисти.

Представьте себе, что было бы, если бы человек при произнесении этой молитвенной формулы всегда вспоминал образ конюшен – смертельных нечистот, которые уничтожают все живое вокруг. Под формой «помилуй» понимают что-то вроде: не забудь обо мне, приготовь местечко в Царстве Божиим, в лучшем случае – синоним защиты, опеки. А это просьба о решительной помощи в очищении от грехов, от дисгармонических ошибок, от участия в мировом беспорядке.

* * *

Попробуйте представить миф об Авгиевых конюшнях как собственное сновидение. Это вы принимаете решение, как очиститься от скверны, как перенести откровенный обман и так далее.

Барьеры не должны быть разрушены, но нам необходимо обновлять наши символы, чтобы они не ослабели. Геракл осуществил опыт управляемой катастрофы, опоры конюшен выстояли, животные вернулись в стойло.

К.Г. Юнг напомнил нам, что гармония строится на противоречии, что зрелость – это способность выдержать максимально большое количество противоречий. По определению Юнга, отношения означают растерянность.

Итоги мифов о Прометее, Сизифе и Геракле довольно противоречивые.

Социогенез – это формирование человеческого общества в свете постоянной угрозы уничтожения со стороны Богов, сил природы и бессознательного.

Зевс, как и другие боги, боги других культур (особенно Великая Мать в любом обличье), вечно недоволен своим творением. Человек разочаровывает верховного создателя.

Прометей дерзнул пойти на кражу огня ради человека. Огонь приходит на землю с грозовой молнией, исключительно по воле и благоусмотрению Громовержца, а человек учится разжигать и поддерживать сам. Это как бы святотатство, отпадение от Бога грозы, и этим кладется начало кощунственному превращению природы в сферу человеческой деятельности, в мир, где господствует человек. Новую самостоятельность для человечества завоевывает божественный соперник высшего божества, сам дух противоборства божеству – титанический дух, в котором человечество обретает себя, приходит к самопониманию. Прометей в позднейших модификациях мифа стал создателем людей.

В этом смысле человеку всегда будет близка Этика Прометея, он настоящий человеческий Бог, он становится первой жертвой во имя человека. И тогда понятен обычный страх от Великих Богинь, сеющих войны, ужас и катастрофы, как и от Бога-Отца или *deus otiosus* (то есть отдыхающего бога, Бога-создателя, который не занимается человеческими делами, мир людей для него – досадное недоразумение, копошение всякой раздражающей и неудачно сотворенной мелочи). Зато идет вечный поиск Защитника, Бога-Сына, Сотера, Спасителя, Мессии. Человека нужно защищать от мира Природы, он до сих пор его боится.

После победы над титанами, Тифоном и гигантами Зевс разделил власть со своими старшими братьями: ему самому достались земля и небо, Посейдону – море, Аиду – подземное царство. Аид обычно слушается Зевса, а вот Посейдон пребывает долгое время в своей епархии и ни от кого не зависит. Конечно, правильно видеть в мифе о Деметре укрепление союза между подземным и небесным миром. Появилась большая упорядоченность в их отношениях, возникла новая этика в связи с появлением Элизия – места для праведников.

Добро и зло изначально проблематично. Добро – это жизнь, все, что идет на пользу человечеству (Создатель изначально оспаривает такую этическую трактовку, для него обычно человечество – сплошное зло, неудачное творение). А для человека добро – выживание, порядок, обеспечивающий

сохранение жизни поколений, пища, гармонические отношения, в которых возможно спокойное воспроизведение, продолжение потомства. Зло (с точки зрения человека) – Смерть, все, что хочет человеку помешать и уничтожить его. А это воля Создателя.

Но долго кощунствовать не получится. Пришлось переосмыслить эту изначальную Этику раннего социогенеза. Создателю не удалось сделать человека сразу совершенным. Но он старается его доработать, так Завет с человеком – это возможность прощения и исправления его (например, в результате воспитания, психологической трансформации, индивидуации). Это Создатель повелел создать человека. Избрав наказание Прометею, он тем не менее не наказал Афины, его помощницу. Прометей создает человека из глины, его даже называют богом горшечников, ведь глину еще надо обжечь.

На этой стадии Создатель, Верховный Бог перестал быть злом, даже Гера – жена Зевса – самая большая злодейка в мифологии (она воплощает чистую энергию гнева) – действует только для того, чтобы закалить, окончательно обжечь того, кто становится героем (усыновляется Герой).

Вот почему Этика нуждается в архетипе Сенекса, хранителя мудрости, советчика, ментора. То есть того, кто сам прошел инициацию и может помочь другим ее пройти.

Богиня гнева Гера перестает быть злом, хотя сеет панику, порождает беспорядок, вмешивается в естественные процессы, усложняет испытания. Дело в том, что гнев – это первый бессознательный опыт (он рождается во время подростковой инициации или инициация становится необходимой при первых признаках проявления такого гнева). Впадает в гнев подросток, который еще не может судить спокойно, но видит в окружающих несправедливость или глупость, не соответствующие его идеалам. И тогда мы с полным правом говорим о благородном гневе. Этот гнев есть смутное суждение, которое выносится в душе ощущающей, пока мы не будем готовы выносить суждения в светлой ясности. Да, гнев – воспитатель этой светлой ясности [4]. Прежде чем мы сможем управлять собой, прежде чем мы сможем выносить суждения в светлой ясности, он направляет нас в том, что мы уже умеем делать.

Гнев следует понимать, как утреннюю зарю того, что в состоянии возвысить человека до невозмутимости.

Р. Штайнер [4] увидел и то, что гнев воспитывает в человеке самоотверженность. Без эгоизма мы стали бы не самоотверженными, а в худшем смысле слова зависимыми, если бы, прежде чем развить наше Я до ясного, пронизанного светом суждения, мы, благодаря гневу, не умели достигать независимости там, где внешний мир не соответствует нашему внутреннему существу. Преобразованный гнев есть деятельная любовь.

И если мы поймем греческую легенду правильно, то должны будем

сказать себе: в ней Зевс представлен как божественная сила, одушевляющая и пронизывающая духом таких людей, Я которых еще не выражено. Обратившись к прошлому нашей Земли, мы найдем в нем человечество, Я которого было еще в состоянии становления. Это Я должно приобрести для самовоспитания какие-то особые способности. Зевс выступил дарителем, благодетелем. Он решил искоренить человеческий род, поскольку тот был не в состоянии развивать свое Я. Прометей всеми своими дарами придал Я способность воспитывать себя.

Именно так понимали в Древней Греции дар Прометея: это – способность Я делать себя все более богатым, все более содержательным.

Прометей дал Я способности, благодаря которым оно становилось все более богатым. То, что теперь следовало сделать Зевсу, – действовать так, как действует в отдельных людях гнев. Поэтому деяние Прометея вызвало гнев Зевса и потушило в Прометее мощь Я. Далее легенда рассказывает, что Зевс наказал Прометея за его поступок, поскольку тот несвоевременно способствовал развитию человеческого Я.

Мы прекрасно знаем, как чрезмерная опека, статичные наставления, наказания за проявления бессознательного (например, гнева) мешают развитию Я, хотя они называются этическими нормами.

В конечном счете наше знание о добре и зле держится только на точках их пересечения, в моментах острых противоречий. Конечно, есть свод правил (без правил мы бы вечно были не готовы к возникшим противоречиям и ситуации выбора), но правила тускнеют и забываются, если они не обновляются опытом непосредственного переживания противоречий.

Есть хорошее понятие *apeiron* (апейрон, «бесконечное, беспредельное») – интерпретация Анаксимандра Милетского. Это есть «принцип и элемент существующих вещей», так как согласно некоторым трудам Анаксимандра, апейрон «является первопричиной становления и разрушения мира». Он не сводится ни к воде, ни к каким-либо другим элементам. Он вечен и един; он окружает все миры и является источником всего.

К.Г. Юнг использовал понятие «апейрон», чтобы объяснить принцип неопределенности.

Начало и источник всего сущего – неопределенность (Джеймс Хиллман сказал: «отношения означают растерянность» [5], просто он старался актуализировать философское понятие, поместить его в чувственную сферу). Неопределенность складывается из понятий безграничности, бесконечности, беспредельности, необъятности.

В конечном счете нам надо не ответить на все вопросы, не составить свод правил на все случаи, не остановиться в развитии, а начать действительно жить. Вечно обновляемая и продолжающаяся жизнь – наша цель.

Этика в этом случае неизбежно переходит в этикет, набор правил,

которые упрощают отношения, то есть возникновение растерянности. Этика напоминает, например, что человек ценен и он может не вполне ясно мотивировать свои поступки, он несовершенен, и не надо торопиться с его осуждением. Поэтому воспитанность – это умение не подчеркивать чужое несовершенство, а переживать его, как будто бы опираясь на архетип Сенекса, на позицию зрелости.

А как сказал К.Г. Юнг: *«Зрелость человека определяется тем, как много неопределенности он может выдержать»*.

Список использованной литературы

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека / [пер., предисл. и коммент. Александра Шапошникова]. – Москва: Эксмо, 2006
2. Аристотель. Этика / [перевод Н. В. Брагинской, Т. А. Миллер; вступительная статья Ф. Х. Кессиди; примечания Н. В. Брагинской, В. В. Бибикина]. – Москва: АСТ МОСКВА, 2006.
3. Камю, Альберт. Миф о Сизифе / [пер. с фр. С. Великовского]. – Москва: АСТ: Астрель, 2011.
4. Штайнер, Рудольф. Метаморфозы душевной жизни / Ч. 1: Путь внутреннего опыта. – Москва: «Эвидентис», 2001.
5. Хиллман Д. Сенекс и Пуэр. – Москва: Клуб Касталия, 2021. – с.240
6. Юнг К.Г. Архетип и символ / [Предисл. А. М. Руткевича, с. 5-22; Примеч. В. М. Бакусева и др.]. – Москва: Ренессанс, 1991.
7. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / [Пер. с нем. Чечина А.]. – Москва: АСТ Publishers, 2020.

Шаль Людмила Георгиевна

*Аналитический психолог
Клинический психолог
Действительный член ПСАП
Преподаватель психологии ИАПипДО
Кандидат тренинговой программы ААПР/ААР
г. Москва, Россия
lyuc.psy@gmail.com*

Наша песня хороша, начинай сначала! Злоупотребления в аналитической практике

Аннотация

Статья рассматривает феномен злоупотребления в аналитической психологической практике через метафору музыкального произведения и образ портрета Дориана Грея. В статье анализируются виды злоупотреблений (сексуальное, использование профессионального статуса, двойные роли, сектантские практики, нарушение сеттинга), их мотивации и психодинамические последствия для анализанта, аналитического психолога и профессионального поля. Особое внимание уделено процессу проекционного заражения, активации Тени и нарушению символической работы.

Ключевые слова

Аналитическая практика, аналитический психолог, анализант, злоупотребления, последствия злоупотреблений, мотивация.

Я выражаю благодарность Коваленко Татьяне Арамовне за поддержку и активное обсуждение в процессе подготовки доклада. А также своему супервизору Башкатовой Елене Владимировне за бережное и одновременно строгое сопровождение моей практики.

Введение

Аналитический процесс можно уподобить песне: ритм сессий, мотивы переносов, гармонии интерпретаций. В партитуру практики временами врывается фальшь – намеренная или бессознательная; в аналитической практике эта фальшь называется злоупотреблением. Злоупотребление – использование чего-то во вред, в ненадлежащих целях, в превышении допустимой меры. Несмотря на этические нормы, аналитические психологи нередко сталкиваются с соблазном их нарушить; задача исследования – выяснение мотивов, механизмов и последствий различных нарушений.

В книге «Практика психотерапии» К.Г. Юнг говорит о психотерапии как о *«тяжелейшей и далеко не безопасной профессии»* и проводит аналогию между работой врача и психотерапевта, который рискует оказаться инфицирован психически: то есть либо *«втянутым в невроты своих пациентов, либо психотерапевт пытается оградить себя от влияния невротов, утрачивая при этом эффективность терапевтического воздействия»* [3, с. 26]. Подразумевая, что внутреннее содержание клиента может активировать у терапевта бессознательные комплексы и архетипические энергии, он указывает на важность морального облика психотерапевта и ориентирует психотерапевта на постоянное самонаблюдение: *«Терапевт должен все время наблюдать себя»* [3, с. 26] – как он реагирует на своего пациента. Представляется уместным использовать его цитату в отношении взгляда на себя, то есть профессиональную Персону, ее «лицевую» и «изнаночную» стороны. Позволю себе предложить посмотреть на аналитического психолога, используя образ портрета Дориана Грея. Мной образ Дориана Грея воспринимается как Персона аналитического психолога, а портрет является тем, что психолог может сознательно или бессознательно формировать в своей практике посредством тонких мазков, например, когда мы позволяем себе расшатывать и деформировать процесс анализа, рационализируя, например, причины переноса сессий, повышение оплаты или встречу курьера во время сессии.

Наблюдая за собой в процессе аналитической практики, общаясь с коллегами в разных ситуациях – приятельских, в интервью и на супервизиях – я замечаю, как трудно бывает признаваться, в первую очередь, самим себе и уж точно обсуждать, что мы поддались соблазну, и имело место нарушение. Мы можем с легкостью отмахнуться от каких-либо мелких нарушений: *«Ну, подумаешь, что курьер придет во время сессии, восполню время, продлю сессию на 2 минуты»*; или внезапное выгодное предложение уехать в отпуск: *«перенесу сессии онлайн, объясню ситуацию анализанту с позиции динамики его процесса и переносных реакций»*. Вот такими тонкими мазками мы рисуем наш аналитический портрет, давайте посмотрим, что же получается?

Когда-то давно на одной из учебных программ преподаватель поделился с группой списком признаков, которые указывают, что это уже не психотерапия. Этот список был составлен в 1990 году Бостонской Организацией («BASTA!») по прекращению злоупотреблений в терапии [4]. Предлагаю ознакомиться (см. рисунок 1) с ключевыми пунктами списка в отношении психотерапии и потом перейти к аналитической практике с ее особенностями. Некоторые пункты из этого списка могут вызвать у вас улыбку: «Это же очевидно! Я так никогда не сделаю», но соблазн...

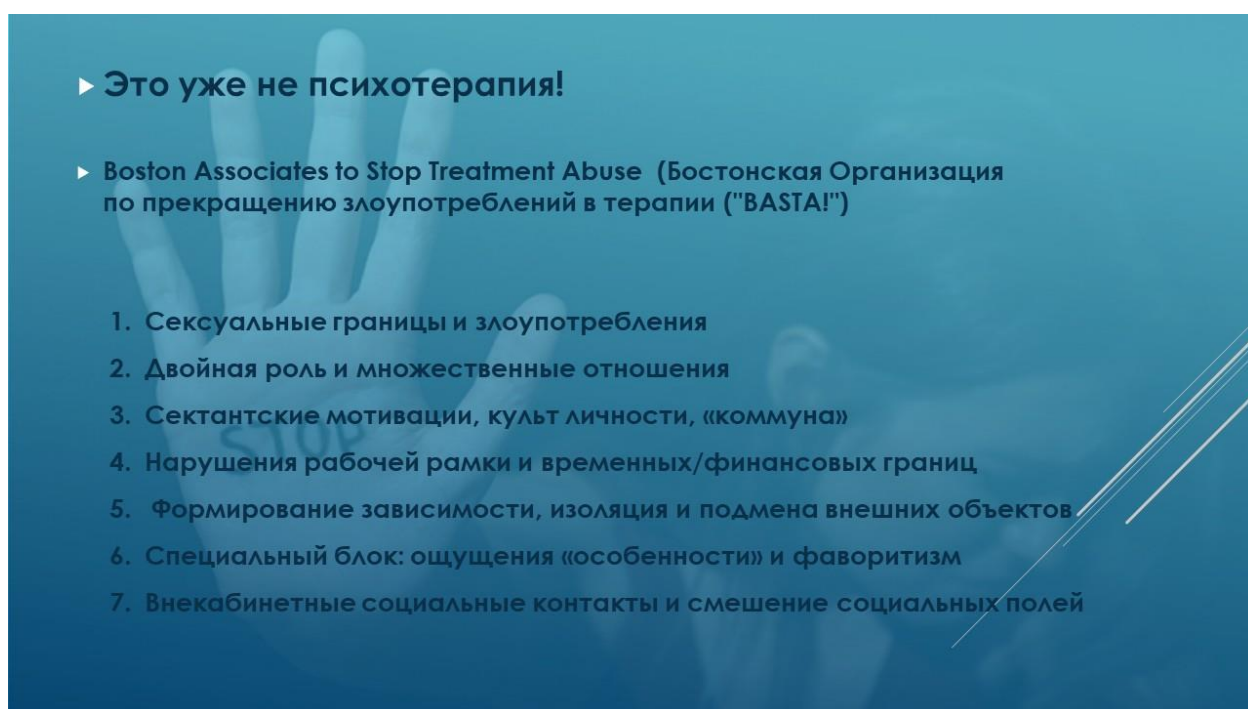

Рисунок 1 – Список признаков нарушения этических границ в психотерапии [4]

Возможно, вам уже приходилось встречаться с различными злоупотреблениями, и вы задавались вопросом, как на это реагировать, необходимо ли действовать, как комментировать ту информацию, которую принес анализант? А если дело касается нас, и нас анализанты обвиняют в злоупотреблении, как с этим быть?

Помимо аналитической практики, мы можем столкнуться с трудными ситуациями в процессе подготовки по аналитической терапии. В индивидуальных и групповых супервизиях обучающиеся встречаются с разными высказываниями супервизоров и преподавателей, которые приводят в недоумение и заставляют задуматься о собственной профессиональной

пригодности. Вот примеры подобных высказываний: «Вы в слиянии с анализантом», «Вы наносите вред», «Вы создаете зависимые отношения», «У вас дырявый контейнер». Наше исследование посвящено проблеме злоупотреблений или в более легком варианте нарушений, а также ошибкам, которые могут совершать специалисты в практике, и их последствий для анализанта, аналитического психолога и аналитической практики.

Начнем с рассмотрения злоупотребления профессиональным статусом. Самым известным и достаточно часто встречаемым со времен начала аналитической практики является сексуальное злоупотребление. Под сексуальным злоупотреблением понимают:

1. Физический сексуальный контакт (с/без применения силы).
2. Принуждение к сексу под угрозой молчания и шантаж после секса (угроза раскрыть личную информацию).
3. Патерналистское убеждение «лечение через секс» (обоснование сексуального контакта терапевтическими целями).
4. Вербальные сексуальные домогательства (комплименты телу, признания влечения, «мы могли бы быть парой»).
5. Сексуальные намеки на будущее после терапии (обещания/предложения отношений).
6. Вуайеризм и чрезмерный интерес к деталям сексуальной жизни анализанта.
7. Письма/подарки сексуального характера, инструкции по использованию и запрос отчетов.
8. Контакт после завершения аналитической терапии с целью свидания/сексуальных отношений.
9. Физические сексуальные отношения вскоре после окончания аналитической терапии.

Перейдем к рассмотрению последствий сексуальных злоупотреблений.

Сексуальное злоупотребление способствует проективному заражению и усилению архетипов власти/жертвы, при котором терапевт становится проекционным носителем архетипов (отец/властитель/маг), что усиливает бессознательную динамику «власть – подчинение» и закрепляет архетипические проекции в личности пациента.

Сексуальная эксплуатация вызывает сильную активацию Тени: у терапевта – проявления собственной Тени (эксплуатация, желание власти), у пациента – стыд, ненависть, агрессия – эти содержания могут быть интроецированы пациентом или усилены как внутренние конфликтные паттерны.

Поскольку интимные отношения с психологом перестают быть материалом для анализа и становятся источником «вторичной травмы», то происходит искажение переноса и невозможность символической работы.

Перенос трансформируется в травмирующий опыт, что приводит к нарушению процесса индивидуации, утрате автономии, нарушению телесной интеграции и сексуальной идентичности. Поскольку индивидуация предполагает интеграцию бессознательного через символизацию, сексуальное нарушение создает преграду для символизации травмы, оставляя ранение в центре психики, которое блокирует интеграцию и рост Самости, то есть нарушение оси «Эго – Самость».

Случаи сексуального злоупотребления формируют коллективные мифы о терапевтах как потенциальных хищниках; общественный архетип «психолог-насильник» заражает культуру и усложняет коллективную работу с Тенью.

Помимо сексуальных злоупотреблений, можно выделить злоупотребления профессиональным статусом вне аналитической практики, к ним относятся: двойная роль и социальные контакты.

Двойную роль в аналитической практике можно наблюдать в ситуациях, когда аналитический психолог является работодателем анализанта, преподавателем, супервизором и т.д. С другой стороны, анализант может работать на своего психолога в обмен на терапию. Наличие родственных отношений между психологом и анализантом и дружба за рамками психотерапии также указывают на двойную роль.

Социальные контакты вне рамок аналитической практики в виде посещения различных развлекательных и профессиональных мероприятий или групп поддержки (например, анонимных алкоголиков) по инициативе одного из участников процесса (психолога/анализанта) приводят к определенным последствиям.

В первую очередь происходит трансформация аналитической фигуры в поле коллективных архетипов – хозяина, старшего, наставника, равного или конкурента. Анализант может бессознательно воспринимать терапевта как архетипическую фигуру (отца, матери, вождя), что усиливает проекционные процессы. Терапевт перестает оставаться индивидуальной реальностью и превращается в символ значимых общественных ролей, что уменьшает уникальность терапевтического взаимодействия и блокирует работу с личными архетипическими сюжетами, превращая фигуру психолога в коллективный символ.

Следующим последствием является замедление процесса индивидуации: вместо внутренней работы по интеграции пациент может развивать внешние зависимости и искать подтверждение в социальных успехах, что отдаляет от работы с личными архетипами и Самостью.

В клинической картине такие внешние контакты проявляются у анализанта повышением социальной тревожности на общих встречах, соматическими реакциями (головные боли, нарушения сна, желудочно-

кишечные симптомы), маскировкой чувств (улыбки вне терапии, но избегание тем в сессиях), когнитивной ригидностью – склонностью трактовать нейтральные события как значимые – и усилением сопротивления, проявляющегося в пассивной агрессии или молчании во время сеансов.

Для терапевта это влечет внутренние динамики и профессиональные риски: размывание дистанции, переоценка собственных ресурсов по управлению двойными контактами и недооценка бессознательных последствий; усиление контрпереноса – появление скрытых предпочтений, желания социализации или, напротив, избегания неудобных тем.

В экстремальных вариантах такие взаимодействия могут трансформироваться в сектантские мотивы: группировка клиентов вокруг терапевта как «семьи»; роль терапевта как гуру с последователями; неформальные домашние встречи; вовлечение бывших клиентов в организационную деятельность; эксплуатация доверия и рекрутинг внутри круга. Это ведет к формированию коллективного комплекса, усилению архетипа «семьи/клана», коллективной Тени и синхронизации бессознательных ожиданий – пациент начинает воспринимать терапевта как вождя или матриархальную фигуру, что порождает культ личности и коллективный миф о «священном пространстве».

Перейдем к рассмотрению нарушений в аналитической практике. Как известно, основными структурными элементами аналитической практики являются место, время и деньги [3, с. 65]. В аналитической практике специалисты подвергаются соблазну экспериментировать, нарушать или злоупотреблять сеттингом.

Злоупотребление пространством и временем

Нарушения сеттинга – изменение места проведения сессий (кафе, улица вместо кабинета), переход в онлайн-формат по инициативе терапевта, изменение времени и длительности сессий, опоздания, частые переносы, разговоры по телефону во время сеанса – разрушают символический порог терапии. Кабинет традиционно выступает как «теменос» между внешним миром и внутренним царством клиента; перенос работы в иные пространства нивелирует этот порог, активизирует архетипические страхи и трикстерные содержания, порождая чувство предательства и недоверия. Нарушения ритма сессии и непредсказуемость времени активируют архетипы Брошенного или Отвергнутого, усугубляя регрессию и зависимый перенос.

Злоупотребление деньгами

Специалист может предлагать бесплатные или скидочные сессии с ожиданием взамен персональных услуг или делать резкое необоснованное повышение оплаты, работать в долг, у анализанта может быть накопление задолженности. Подобные манипуляции приводят к активизации Тени через финансовые связи. Психолог в такой ситуации становится фигуральным «владыкой ресурса»: на него проецируются надежда и страх, анализант занимает регрессивную позицию ребенка, зависимость блокирует автономное развитие и интеграцию Я. Финансовые отношения могут конвертироваться в инструмент контроля и эксплуатации, усиливая опасность злоупотреблений и препятствуя завершению терапии.

Помимо нарушений сеттинга, еще один вид опасности представляет злоупотребление профессиональным статусом.

Данный вид злоупотребления может принимать прямые формы: изоляция анализанта с целью создания зависимости (совет сменить работу, учебу или место жительства ради анализа), контроль внешнего вида, навязывание способов «самосовершенствования» через личный опыт терапевта, запреты обсуждать терапию с другими или обращаться к другим специалистам, навязчивая опека, частые визиты и звонки вне сеансов, разглашение личной информации о клиентах и инициирование ритуальных групповых церемоний. Особую опасность представляют поведенческие паттерны, затрагивающие окончание терапии и кризисные состояния пациента: затягивание или саботаж процесса завершения – отказ прорабатывать расставание, намеренное создание зависимости перед уходом терапевта или предложение ждать возвращения специалиста (например, если специалист нуждается в длительном лечении) вместо организации передачи коллеге – оставляют анализанта без поддерживающей переработки окончания, повышая риск рецидива и невозможности развития автономии.

Крайняя и особенно опасная клиническая область – работа с суицидальными мыслями и рисками. Игнорирование ухудшения состояния пациента, нормализация или поощрение суицидальных фантазий, замалчивание рисков или передача ответственности пациенту без адекватной оценки и организации поддержки представляют непосредственную угрозу жизни. Нарушение обязанностей психолога в этой сфере – отсутствие своевременной интервенции, непрофессиональные суждения или попытки монополизировать помощь – может привести к трагическим последствиям, усилить травматизацию и повлечь серьезные этические и юридические последствия для терапевта.

Необходимо отметить, что злоупотребления возможны на разных иерархических уровнях как у начинающих специалистов, так и у

высококвалифицированных аналитиков. В докладе «Нарушение прав супервизанта и анализанта. Злоупотребление властью аналитиком и супервизором», который прозвучал в 2024 году на летней школе РОАП, Трошина Е.Ю. описывает злоупотребление властью супервизорами. Причинами злоупотреблений, по мнению автора, являются желание власти, эмоциональное выгорание специалистов, отсутствие желания наблюдать себя, когда аналитики, обретая статус, заканчивают собственный анализ и перестают супервизировать свою практику.

Итак, можно выделить мотивы злоупотреблений, возвращаясь к цитате К.Г. Юнга, наблюдать и рассматривать в себе их как штрихи портрета:

- Спасательство (архетип Спасителя), где происходит идентификация специалиста с архетипом Спасителя в стремлении «исправить» или «нормализовать» пациента вместо содействия его автономии. В контрпереносе возникают желания опекать и думать о себе, как о помогающем или исцеляющем.

- Материнская мотивация (Анима/Мать) реализует родительскую функцию с патерналистскими ожиданиями; работа превращается в продолжение семейной динамики. В контрпереносе возникает тревога за действия и желания пациента, фантазии о защите или мысли о том, как будет лучше для анализанта.

- Персональная мотивация (Персона/Тень), в первую очередь, удовлетворяет личные потребности психолога (признание, сексуальное влечение, выгода). Персона является фасадом профессионализма, за которым маскируются теньевые импульсы. Тень проецируется на пациента или интегрируется в поведение, приводя к эксплуатациям.

- Амбивалентность власти (архетип Властителя/Трикстера) в виде стремления контролировать сцену (время, место, деньги, контакты), как способ поддержать образ могущественного аналитика, что вызывает проекции покорности/восстания и искажение переноса.

- Профессиональная неосознанность и «психическая инфекция» (инфекционная динамика), при которой невроты анализанта активируют неосознанные комплексы психолога в результате отсутствия самонаблюдения аналитик либо подхватывает патологию, либо компенсаторно доминирует, что ведет к злоупотреблениям.

- Карьерная/социальная мотивация (Персона + коллективная Тень), проявляющаяся в амбициях, репутационных и финансовых интересах, которые оправдывают нарушение этики; таким образом коллективная динамика защищает нарушителя через мифы и молчание.

Вышеперечисленные мотивации – это и есть те нюансы в практике аналитического психолога, которые добавляются нами, как штрихи в портрет Дориана Грея.

Итак, злоупотребления в аналитической практике часто коренятся не в «зле» отдельных людей, а в неосознанных архетипических мотивациях (Спаситель, Мать, Властитель, Тень), которые при отсутствии постоянного самонаблюдения и профессиональных границ трансформируют аналитическую практику в инструмент зависимости и травмы [1].

В конце статьи мне хотелось обратиться к аналитической практике как к песне, понимая, что во время исполнения мы можем фальшивить и даже «дать петуха». Однако, когда мы относимся уважительно к себе, анализантам и практике, мы можем достаточно смело «наблюдать себя», что способствует собственному развитию и развитию наших анализантов.

Список использованной литературы

1. Гуггенбюль-Крейг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине. – Санкт-Петербург: Б.С.К, 1997.- 117 с.
2. Холл Д.А. Введение в юнгианскую терапию. – Москва: Независимая фирма «Класс», 2006. – 192 с.
3. Юнг К. Г. Практика психотерапии [пер. с нем.] – Санкт-Петербург, Москва: Университетская книга, АСТ, 1998. – 416 с.
4. Estelle Disch, Ph.D. Is There Something Wrong or Questionable in Your Treatment? BASTA! Boston Associates to Stop Treatment Abuse 528 Franklin Street, Cambridge, MA 02139 Copyright © 1990, 1992

Кинчаров Анатолий Семенович¹

Социальный психолог
Действительный член ОППЛ
Член АПП,
г. Тольятти, Россия
perceptionoflife289@gmail.com

Что такое человек Иммануила Канта? Этическая концепция

Аннотация

В статье представлена схематичная структура человека и этической концепции Иммануила Канта (1724-1804) – одной из ключевых фигур в истории человеческой мысли. Он ставит человека в центр своих философских антропологических исследований, подобно Николаю Копернику (1473-1543), который установил, что не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца, впоследствии этот подход в теории познания Канта был назван «коперниканским переворотом». Кант утверждает, что всеобщность и необходимость знанию придают не сами вещи, а врожденные структуры нашего познавательного аппарата. В «Критике чистого разума» (1781), он пишет: *«Не наше знание должно соотносываться с предметами, а наоборот: предметы, какими мы их знаем, должны соотносываться с нашим познанием»*. Кант предложил критическое понимание философии как исследования границ и возможностей человеческого разума, поставив четыре основных вопроса. Он утверждал, что восприятие мира формируется структурой разума, а сам процесс познания является процессом формирования феноменов. В первой «Критике», он создает целостное учение о человеке как разумном, познающем и деятельном существе, он дает ответ на первый кардинальный вопрос *«Что я могу знать?»*. Идея автономии человеческого

¹ Кинчаров Анатолий Семенович – социальный психолог, исследователь, фотохудожник, действительный член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, член Российского Общества Человекоцентрированного подхода, член Ассоциации Междисциплинарной Медицины, член Ассоциации психотерапевтов и психологов г. Тольятти, член Союза фотохудожников России, член Творческого Союза Художников «Солярис».

разума, в области практических действий формирует автономную этику – этику разумных, свободных, ответственных субъектов. В «Критике практического разума» (1788) И. Кант формулирует моральный закон – категорический императив, дает ответ на второй кардинальный вопрос «*Что я должен делать?*». «Критика практического разума» посвящена рассмотрению практического применения разума, которое, в отличие от теоретического разума, имеет дело не с познавательной деятельностью человека, а с определением его воли. В теоретическом разуме человек руководствуется познавательными способностями – чувственностью, рассудочностью и теоретической разумностью, а в практическом разуме – чувством долга. Ответ на третий кардинальный вопрос «*На что я смею надеяться?*» Кант дает в своей третьей Критике – «Критике способности суждения» (1790). Этот вопрос можно отнести как к сфере теоретического разума, так и к сфере практического разума. На него отвечает религия, которая таким образом оказывается составной частью философской антропологии. Кант утверждает, что не мораль вытекает из религии, а религия вытекает из морали. Ответ на четвертый основной вопрос «*Что такое человек?*» дает наука о человеке – антропология. Кант в «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) говорит о человеке не с его физиологической или природной стороны, а о человеке как свободном существе, о его характере, который он формирует сам – антропология «с прагматической точки зрения». Способность человека иметь представление о себе, о своем «Я», поднимает его над другими существами и утверждает его трансцендентальную основу.

Ключевые слова

Феномен, ноумен, этика, свобода, воля, чувство, рассудок, разум, моральный закон, императивы, максимы, долг.

В основе этики И. Канта лежит учение о том, что человек – существо не только природное, но и свободное. В труде «Религия в пределах только разума» И. Кант определяет «*первоначальные задатки добра в человеческой природе*» через три класса [2]:

1. Задатки животности человека как живого существа;
2. Задатки человечности его как существа живого и вместе с тем разумного;
3. Задатки его личности как существа разумного и вместе с тем способного отвечать за свои поступки.

Человек в трансцендентальной философии И. Канта принадлежит одновременно двум мирам: чувственно воспринимаемому – феноменальному,

в котором он подчинен законам необходимости, и ноуменальному – в умопостигаемом мире, в котором он подчиняется свободному нравственному закону. Кантовский человек феноменального мира подчиняется внешним естественным, природным законам и установленным моральным нормам социальной структуры, здесь он изначально несвободен, детерминирован – подобен существованию любого другого феномена. Феноменальный мир (от греч. *Phainomenon* – являющийся) открыт для познания, которое ограничивается чувственным опытом человека, отражением воздействия «вещей для нас». Это ограниченный мир, царство необходимости. Кантовский человек ноуменального мира обладает внутренней моральной свободой. Ноуменальный мир (от греч. *noimena* – мыслимый) закрыт для эмпирического познания, возможны только гипотетические суждения о мире сущностей – «вещей в себе» или «вещей самих по себе». Это идеальный мир, царство свободы, царство разума. В мире феноменов, человек полностью несвободен: с точки зрения морали, рождаясь, он оказывается в уже сформировавшейся социально-этической системе, нормы и законы которой он должен соблюдать, чтобы жить в этом обществе. Как «явление», человек подчинен необходимости, внешней причинности, законам природы, общественным установкам, но как «вещь в себе» он может не подчиняться столь жесткой детерминации и действовать свободно. Свобода принадлежит не феномену, а ноумену. Свобода воли – это не способность делать все что угодно, а способность следовать долгу, моральному закону, выраженному в категорическом императиве. В этом мире человек свободен сам определить и наполнить содержанием принимаемых им моральных норм. В результате он получает так называемые «максимы», которых он должен придерживаться, и за пределы которых он не должен заступать, чтобы не потерять собственное человеческое достоинство. Человек, оказывается двойственным существом, постоянно колеблющимся между разумом и чувством – разумный закон не определяет его волю полностью, она часто отклоняется от него, влекомая чувственностью. Человек – чувственно-разумное существо и должен сам делать выбор.

Понятие «разум» у И. Канта используется в нескольких значениях: разум как третий уровень человеческого познания наряду с чувственностью и рассудком; теоретический разум – это разум, который нацелен на познание окружающего мира; практический разум – это разум, который указывает человеку, как должно вести себя в этом мире, указывает модель человеческого поведения, модель человеческого долженствования. В «Критике практического разума» И. Кант утверждает, что свободная причинность действительно существует, и основанием этого является моральный закон – категорический императив. В докантовской философии считалось, что практический разум есть фактически следствие теоретического разума. Для

того чтобы человеку выстроить долженствование в этом мире, чтобы понять, как ему себя вести в этом мире, ему нужно просто познать этот мир. Путь к практическому разуму шел через теоретический разум, мы должны познать сущее, то есть выполнить задачу теоретического разума, и тем самым мы сформулируем свое должное, то есть выполним задачу практического разума. Следовательно, считалось, что познание сущего, ведет автоматически к формированию должного. Познание мира – это долженствование. Целостная траектория от теоретического разума к практическому разуму не ставилась под сомнение в докантовской философии. Однако И. Кант показал, что непрерывной траектории быть не может, потому что, когда мы поднимаемся по ступеням человеческого познания – от чувственного уровня к рассудочному уровню и, наконец, к разумному уровню – между «сущим» и «должным» он обнаруживает разрыв. Кант утверждает: познание сущего никоим образом не ведет нас к формированию должного – не указывает человеку должное. И. Кант определяет два основных аргумента: первый аргумент – познание сущего, то есть задача теоретического разума никогда не может быть решена окончательно, теоретический разум принципиально неполон, у человека возникают антиномии, мы не можем полностью познать окружающий мир, значит, непрерывной связи между теоретическим разумом и практическим разумом нет, уже не существует, и, соответственно, практический разум не вытекает из теоретического разума. Второй аргумент – знание сущего можно определить как «царство необходимости», в том смысле, пока мы имеем дело с теоретическим разумом, мы везде отслеживаем причинно-следственные связи, мы везде имеем связи с причинно-следственными отношениями, в этом смысле мы везде имеем дело с необходимостью. Но когда говорим о человеческом долженствовании, когда мы говорим о практическом разуме, который указывает нам должное, на уровне должного мы имеем дело со свободой. Мы помним, что человеческое долженствование строится на свободе и в этом плане практический разум – есть «царство свободы». Но, двигаясь по цепи необходимости, мы нигде не можем найти свободу. По определению в «царстве необходимости» нет свободы, поэтому невозможно перейти непосредственно от необходимости к свободе, невозможно перейти от теоретического разума к практическому разуму. Обнаруживается особая проблема человеческого долженствования, проблема практического разума, и эта проблема не может быть сведена к анализу и познанию окружающего мира. Следовательно, теоретический разум, принципиально неполон – есть «царство необходимости», а практический разум оказывается безосновным и функционирующим в «царстве свободы».

Человек – это разумное существо, которое самостоятельно определяет пределы действия моральных норм, которые затем воплощаются в его поступках. Эти пределы И. Кант называет максимами – личностными

моральными принципами. Максима – частная, субъективная норма, которая указывает мне должное поведение в данный конкретный момент времени. В противоположность максиме функционирует императив. Императив – всеобщая, необходимая, универсальная норма, которая указывает долженствование для всех людей, указывает норму человеческого поведения, являющуюся универсальной. Человек сам подчиняется закону, который сам и устанавливает. Моральный закон имеет форму внутреннего повеления, то есть императива, который предписывает как следует поступать. И. Кант различает два вида императивов: гипотетический и категорический. Гипотетический императив указывает, *«что я должен делать, чтобы достичь цели»*, условием является наличие определенного желания. Он построен по формуле *«Если хочешь, то должен делать то-то»*, в этом плане мир навязывает любому человеку определенную модель поведения, если у тебя есть некое желание, желание формирует соответствующее поведение. Гипотетический императив универсален, но не является этическим императивом, он не указывает этическое долженствование, он указывает некую технологию поведения человека, если есть определенное желание. Категорический императив – безусловный императив, который указывает, как должен вести себя человек независимо ни от какой организации мира, независимо от своего места в этом мире, независимо ни от какой выгоды или корысти, независимо от каких-то материальных благ и издержек, он указывает на чистое долженствование и является чисто этическим императивом, при этом он не является обязательным для выполнения. Он подобен Полярной звезде в созвездии Малой Медведицы, которая является важным ориентиром для путешественников и мореплавателей, одинаково светит всем, независимо от того, двигаются они в правильном направлении или нет.

И. Кант считает, что люди должны быть нравственными ради самой нравственности, добродетельными ради самой добродетели; исполнение долга само по себе составляет цель хорошего поведения. Мало того, вполне нравственным может быть назван только такой человек, который совершает добро не вследствие счастливой склонности своей натуры, а исключительно из соображений долга; истинная нравственность скорее побеждает склонности, нежели идет с ними рука об руку, и в числе стимулов добродетельного поступка не должно быть природной склонности к таким поступкам.

Первая основная формула категорического императива: *«Поступай только по такой максиме, относительно которой ты можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»* [1]. Она обязывает ограничивать правила, которыми мы руководствуемся в жизни, условием их общей значимости для всех людей и для каждого в отдельности. То есть человек должен руководствоваться такими высокими принципами и идеалами,

которые можно положить в основу всеобщего законодательства, чтобы они стали обязательными для всех. Максима – субъективный принцип, правила, которые я устанавливаю для себя, которая указывает на поведение человека здесь и сейчас. Категорический императив – процедура проверки наших максим на их этичность. Прежде чем совершить поступок, я должен задать себе вопрос: могу ли я, не впадая в противоречие, представить себе мир, в котором все и всегда поступают по моему правилу? И могу ли я хотеть жить в таком мире? Для того чтобы мы могли определить, какая максима является этичной, какая максима является неэтичной, мы должны навести на эту максиму некое «увеличительное стекло Всеобщности», должны посмотреть, какую максиму мы могли бы рекомендовать всем для выполнения в этой ситуации, какая максима могла бы претендовать на статус Всеобщего закона. Этот категорический императив, не внушенный ни волей Бога, ни стремлением к счастью, а извлекаемый практическим разумом из своих собственных глубин, возможен только при предположении свободы и автономии нашей воли, и неопровержимый факт его существования дает человеку право смотреть на себя, как на свободного и самостоятельного деятеля; правда, свобода – идея, и реальность ее не может быть доказана, но, во всяком случае, ее необходимо постулировать, в нее необходимо верить тому, кто хочет исполнить свой этический долг.

Вторая формула категорического императива – формула человечности: *«Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству как в твоём лице, так и в лице всякого другого только как к средству, но всегда в то же время и как к цели»* [1]. Необходимо видеть в людях не средство для достижения своих корыстных целей, а достойную цель, во имя которой и на благо которой надо жить и трудиться.

И. Кант утверждает, что каждый человек, каждое разумное существо обладает абсолютной внутренней ценностью, достоинством, а все остальные вещи в мире имеют относительную ценность, цену, их можно обменять на что-то другое, но человек бесценен, его нельзя использовать, просто как инструмент для достижения своих целей. Как относиться к человеку как к Цели? Кант говорит, что моральные поступки должны уважать свободу, разум и человечность других людей. Относиться к человеку как к цели, значит давать ему возможность проявить свою человечность. В чем же заключается человечность человека? Главным определяющим признаком человечности является свобода его воли, или так называемая автономия человеческой воли. Когда мы даем человеку возможность проявить свою человечность, возможность свободно выбрать модель своего поведения, когда мы обеспечиваем автономию или обеспечиваем условие для автономии человеческой воли, тогда мы относимся к человеку как к цели. Соответственно, если мы не даем ему возможность проявить свою свободу,

если человек не автономен в своем поведении, то мы относимся к человеку как к средству. Как относиться к человеку как к средству? Мы должны вести с человеком честные договорные процедуры, когда человек обнаруживает всю значимую информацию, необходимую для свободного волеизъявления в данном месте и в данное время, и только на основе автономии своей воли человек формирует модель своего поведения. Поэтому, если мы его обманываем, если мы его используем, мы нарушаем автономию человеческой воли, и это поведение является неэтичным.

Когда мы говорим об отношениях между людьми, о взаимоотношениях, мы можем обнаружить, что перед нами возникает выбор из двух вариантов поведения. Один вариант поведения выражается максимой «относись к человеку как к средству», а другой вариант поведения выражается максимой «относись к человеку как к цели». Что мы можем рекомендовать в качестве всеобщего закона? Очевидно, если мы принимаем закон, все должны относиться друг к другу как к средству, это де-факто война всех против всех, это ситуация, которая не может быть рекомендовано всем. А если принимаем закон «все должны относиться друг к другу как цели», это честные договорные процедуры, и определяющим здесь является свободное автономное принятие на себя определенного рода обязательств и их ответственное выполнение. Таким образом обнаруживается, что закон «все должны относиться друг к другу как к цели», может быть рекомендован в качестве всеобщего, а закон «все должны относиться друг к другу как к средству» не может быть рекомендован в качестве всеобщего. То есть относиться к человеку как к цели обнаруживается как этическое поведение. А относиться к человеку как к средству обнаруживается как неэтичное поведение.

«Если бы даже в силу особой немилости судьбы или скудного наделения суровой природы эта воля была совершенно не в состоянии достигнуть своей цели; если бы при всех стараниях она ничего не добилась и оставалась одна только добрая воля (конечно, не просто как желание, а как применение всех средств, поскольку они в нашей власти), – то все же она сверкала бы подобно драгоценному камню сама по себе, как нечто такое, что имеет в самом себе свою полную ценность» [3]. Моральная ценность поступка заключается не в его последствиях, а исключительно в его мотиве, в том принципе, которым руководствовалась воля.

Иммануил Кант рассматривает антиномию морального сознания как естественные побуждения человека, определяемые желанием счастья, которые недостаточны для формулирования моральных принципов и вообще не способны обосновать всеобщий и необходимый принцип морального поведения – с одной стороны, а с другой – реальную невозможность необходимого сочетания добродетели и счастья, морального действия и вознаграждения за него. Отсюда следуют «постулаты практического разума»:

существование Бога как гаранта нравственного закона и воздаяния добром за нравственное поведение; свобода воли как условие нравственного поведения свободного от слепого подчинения законодательству природы, включая естественное стремление к счастью; бессмертие души как условие того, что вознаграждение неизбежно последует за нравственным поведением, раз оно невозможно на этом свете, даже при строгом соблюдении моральных законов. Источником категорического императива, самой прочной опорой нравственности И. Кант считает долг. Именно долг придает поступку моральный характер.

Идеи Канта о моральной ответственности, свободе и автономии личности вдохновляют современные этические теории и правозащитные движения. Он развил идею человеческого достоинства, защитил ее и воплотил в развернутую философскую концепцию, которая стала неотъемлемой фундаментальной частью современной психологической теории субъекта, ее принципы глубоко повлияли на экспериментальную психологию восприятия, когнитивную психологию, психологию личности, гуманистическую и социальную психологию. Идеи гуманизма И. Канта также представлены в этике, эстетике и педагогике, при этом гуманизм И. Канта отличается сложностью и неоднозначностью: с одной стороны, философ признает человека главным предметом в мире, а с другой – отвергает принцип человеческого счастья как основы нравственности. Кантовская формулировка гуманизма, вторая формулировка категорического императива, гласит, что в качестве цели самой по себе люди должны относиться к другим не просто как к средству достижения цели, а всегда как к цели самой по себе. В «Лекциях по этике» (1780–1782) И. Кант постулирует: *«Конечное назначение человеческого рода состоит в наивысшем моральном совершенстве, которое достигается при помощи свободы человека, благодаря чему человек приобретает способность к высшему счастью»* [4].

Список использованной литературы

1. Кант И. Сочинения в 6 т. – Москва: Мысль, 1963-1966.
2. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. Москва: Наука, 1980. – С.96
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. Т.4. Ч.1. – Москва, 1965. – С.229
4. Кант И. Из «Лекций по этике» (1780-1782 гг.) // Этическая мысль. 1990. Научно-публицистические чтения. – Москва, 1990.

Конти Марина

*Клинический психолог, психотерапевт
Юнгианский аналитик Член IAAP с 2003 г.
“Visiting analyst” в Группе Развития IAAP²
Милан, Италия*

Этический парадокс индивидуации: свобода и ограничения на пути к себе

Аннотация

Настоящее исследование посвящено этическому измерению процесса индивидуации в юнгианской аналитической психологии. Центральное внимание уделяется диалектике свободы и ограничения: свободе как осознанному выбору, рождающемуся во внутреннем диалоге с Самостью, и ограничениям как необходимым этапам развития, раскрывающим глубинные слои психики. В отличие от нормативной морали, этика в юнгианском подходе рассматривается как внутреннее движение – форма личной ответственности перед собственной целостностью.

В первой части работы свобода представлена не как изначальное условие, а как результат душевной работы, требующей встречи с бессознательным и способности к этическому выбору. Во второй части анализируются ограничения – внешние и внутренние – как архетипические

² “Visiting analyst” в Группе Развития IAAP на Украине, в Грузии (до 2011 г.), в Беларуси (с 2014 г.). Лектор по аналитической психологии в Миланском Университете. Соавтор книг и публикаций. Соавтор книг: «Тайна Эраноса между прошлым и настоящим временем – цивилизация и духовность с точки зрения Аналитической Психологии» (Edizioni, Falsopiano, 2011) и соавтор «Синхронность и значимые совпадения» (a cura di C. Widmann, ed. Magi, 2016). Автор послесловия книги «Выход из грязи – отношения помощи для преодоления гендерного насилия» (R. Rutigliano, C. Spriano) (Franco Angeli Editore, 2016).

элементы, способствующие трансформации сознания. Третья часть раскрывает символическое напряжение между этими полюсами, включая архетипы Тени и Анимуса, через которые разворачивается драма душевной зрелости.

Четвертая часть иллюстрирует теоретические положения клиническим случаем из аналитической практики. История Анны демонстрирует, как трансформация разрушительного Анимуса и интеграция Тени позволяют субъекту выйти из состояния внутреннего паралича и обрести подлинную свободу быть собой.

Заключение подчеркивает, что этика индивидуации – это не следование правилам, а мужество встретиться с собственной судьбой, удерживая напряжение противоположностей и открываясь Самости как внутреннему принципу смысла и движения.

Ключевые слова

Этика, свобода, ограничения, мораль, Анимус, Самость, индивидуация, Тень

Введение

Тема этики – неотъемлемая часть аналитической психологии. Несмотря на то что К.Г. Юнг редко использовал слово «этика» в философском или нормативном контексте, этическое измерение пронизывает все его понимание психического развития, особенно в том, что касается процесса индивидуации, работы с Тенью, трансценденции Эго и диалога с Самостью. Этический компонент здесь не является внешним, предписанным системой норм, но проявляется как внутренняя необходимость человека встать в сознательное отношение к своему собственному пути.

В одном из писем к пастору Вальтеру Кюнкелю К.Г. Юнг подчеркивал: *«Я никогда не был аморалистом... я всегда рассматривал мораль как необходимое измерение человеческой жизни»* [6].

Это свидетельствует о глубокой личной вовлеченности К.Г. Юнга в этические вопросы, связанные не с внешними предписаниями, а с внутренней ответственностью субъекта перед собой и жизнью. В юнгианском подходе подлинная этика рождается там, где Эго сталкивается с Самостью – с тем внутренним центром, который превосходит сознательное «я», но в то же время

обращен к нему как к собеседнику. Именно в этой точке возникает напряжение между свободой и ограничением. Эти два аспекта человеческого бытия предстают не как противоположности, которые нужно выбирать, а как полюса внутреннего конфликта, без преодоления которого невозможна зрелость и развитие [12].

Таким образом, этика в аналитической психологии – это не просто мораль, но форма внутреннего выбора, в котором человек говорит «да» или «нет» своему пути, своему призванию, своей судьбе.

Эта статья посвящена исследованию этики индивидуации как пути, на котором свобода предполагает осознанность, а ограничения – неотъемлемые этапы внутренней трансформации.

В заключение будет представлен клинический пример, иллюстрирующий эти аспекты в аналитической практике [3].

I. Свобода как этическая категория

В аналитической психологии свобода рассматривается не как абсолютная данность или внешняя возможность действовать по своей воле, но как результат внутреннего становления, долгого и часто противоречивого процесса [1]. Эта свобода не дается человеку изначально – она формируется в ходе диалога между сознательным Эго и бессознательным, между личной историей и архетипическими структурами, которые лежат в основе психики [5]. К.Г. Юнг подчеркивал, что без осознания бессознательного свобода остается иллюзией. В своей работе «Психология и Алхимия» он пишет: *«Свобода воли – это задача, а не данность»* [8].

Это означает, что истинная свобода требует усилия, воли и способности к саморефлексии. Эго, отождествленное исключительно с рациональными установками, склонно понимать свободу как отсутствие внешнего давления. Однако, по мере продвижения по пути индивидуации человек сталкивается с тем, что свобода – это прежде всего способность принять и интегрировать свою внутреннюю правду, даже если она дискомфортна или противоречива [10].

Следовательно, подлинная свобода в юнгианском понимании – это способность быть в аутентичном отношении с Самостью. Это внутренняя зрелость, благодаря которой человек может сознательно выбирать, не избегая ни боли, ни ответственности. Этика здесь становится формой действия, основанного не на внешней дозволенности, а на внутреннем согласии с собственной целостностью. Такая свобода предполагает способность сказать и «да», и «нет» – не из страха, не из желания соответствовать, а из глубинного ощущения смысла и внутренней необходимости [2].

II. Ограничения: внутренние и внешние

Если свобода воспринимается как результат внутренней работы и сознательного диалога с бессознательным, то ограничения, на первый взгляд, кажутся помехами: они связывают, мешают, вызывают боль и сопротивление. Ими могут быть как внешние обстоятельства – семья, общество, историческая эпоха, телесные недуги, – так и внутренние феномены: комплексы, страхи, запреты, интроецированные установки [11].

Тем не менее в юнгианской перспективе ограничения выполняют важную функцию. Они не только тормозят, но и направляют процесс. Не случайно К.Г. Юнг писал: *«То, что мешает нам, – это то, что ведет нас»* [9].

Этот парадоксальный взгляд предполагает, что именно встреча с преградой может пробудить сознание и привести к развитию. Через сопротивление и боль мы узнаем о себе то, что иначе осталось бы скрытым. Можно условно выделить два типа ограничений:

внешние – социальные, культурные, исторические, телесные;

внутренние – комплексы, страхи, запреты, интроекты.

Именно они часто оказываются более устойчивыми и незаметными. Этика индивидуации требует признания ограничений как приглашения к развитию. Каждый предел может стать переходом к новому уровню осознания [13].

III. Диалектика свободы и ограничения в процессе индивидуации

Индивидуация – это не линейный путь к свободе, а спиральное движение между полюсами свободы и ограничениями. Каждый шаг к расширению сознания предполагает соприкосновение с тем, что ограничивает: с архетипами, с Тенью, с образом Отца и Матери, с внутренним Судьей. Без признания этих встреч свобода остается иллюзией [15].

К.Г. Юнг подчеркивал важность символического мышления такими словами: *«Символ – это средство примирения противоположностей»* [14].

Образ, в котором соединены свобода и ограничение, – это образ мандалы: структура, ограниченная формой, но выражающая внутреннюю полноту и целостность. Этика требует удерживания напряжения противоположностей. *«Этическое решение возникает тогда, когда человек способен вынести противоречие и не бежать от него ни в одну из крайностей»*, – пишет К.Г. Юнг в параграфе 814 книги «Психологические типы» [7].

Таким образом, свобода и ограничение – это не враги, а взаимозависимые силы, уравнивание которых требует зрелости, мужества и внутренней дисциплины [4].

IV. Клинический случай: путь Анны

Анна – женщина около сорока лет, специалист в области финансов, мать двоих детей, замужем за врачом. Она пришла в анализ с жалобами на бессонницу, внутреннюю пустоту и повторяющиеся тревожные сны. В первые недели она говорила сдержанно, интеллигентно, стараясь «не перегружать» терапевта. Лишь позже стало ясно, насколько сильным было ее убеждение, что «нельзя быть слишком эмоциональной, это только мешает». Анна описывала свою жизнь как «успешную, но невыносимую»: все внешне было в порядке – семья, работа, статус, но внутренне она чувствовала, что живет не своей жизнью. Она часто говорила: «У меня как будто все есть, но меня самой нет». Вскоре появился первый значимый сон:

«Я нахожусь в офисе. За длинным столом сидят мужчины в костюмах и читают документы. Один из них встает и говорит: "Вы провалили испытание. Теперь вам нельзя говорить". Я теряю голос, хочу закричать, но не могу. Потом замечаю, что у меня в руке – ключ. Он старый, ржавый».

Этот сон стал ключом к пониманию внутреннего конфликта Анны. Мужчины в костюмах – фигуры враждебного Анимуса, архетипической мужской силы, которая в ее бессознательном предстала как инстанция оценки и приговора. Образ «потери голоса» указывал на невозможность выразить свое «я» в присутствии этого внутреннего суда. Однако ржавый ключ в руке символизировал потенциал трансформации: даже в состоянии подавленности в ней сохранялась возможность открытия чего-то нового, давно забытого.

В ходе анализа вскрылся интроект отца: человек рациональный, жесткий, «не терпящий слабости». Его голос звучал в ней как внутренний императив: «Будь сильной, не жалуйся, действуй правильно». Этот голос не только подавлял спонтанность, но и лишал ее ощущения прав на собственную субъективность.

Второй сон, спустя несколько месяцев:

«Я иду по лесу. На тропе – волк. Он смотрит на меня. Я пугаюсь, но он не нападает. Он ложится и указывает носом на куст. Там – старая женская кукла, у которой вырваны глаза и рот».

Этот сон поразил Анну. Она сказала: «Мне стыдно, но я сразу подумала: это я». Волк здесь предстает как Тень – пугающая, но не враждебная. Он не нападает, а указывает путь: к чему-то заброшенному, покалеченному, но все еще живому. Кукла с вырванными глазами и ртом – символ части ее души,

лишенной зрения (осознания) и голоса (выражения). Этот образ вызвал глубокую печаль, но также стал поворотным. Анна начала задаваться вопросами: чье ожидание она исполняет? Почему ее внутренний голос так долго был заглушен? Вскоре в анализе стали появляться сцены из детства, где она как будто «исчезала» в угоду требованиям взрослых.

По мере продвижения Анимус менялся. Он начал появляться в снах не как судья, а как мужчина в библиотеке, предлагающий книгу, или как преподаватель, задающий неожиданный вопрос: *«Ты уверена, что это твоя жизнь?»*

Этот переход от критикующего к направляющему – важный знак: Анимус трансформировался из тирана в союзника.

Однажды она сказала: *«Я не ушла с работы, не развелась, не уехала в Индию. Но я впервые в жизни чувствую, что можно жить не ради роли, а ради смысла»*. Она начала рисовать, чего не делала со школьных лет. Записалась на уроки вокала. В отношениях с детьми появилось больше живости. Появился интерес к телу, к дыханию, к боли и удовольствию – к самому процессу жизни.

Симптомы не исчезли мгновенно. Иногда тревога возвращалась. Но теперь она не пугалась: *«Это не враг. Это напоминание, что я могу снова потерять себя, если не буду внимательна»*.

История Анны – это путь к этической свободе: не бегство от обязанностей, а выбор жить в соответствии с внутренней правдой. Это путь, на котором ограничение стало рамкой, а свобода – формой, в которой оживает душа.

Заключение

Этика в аналитической психологии – это не внешний кодекс и не универсальная система правил. Это внутренний процесс, глубоко связанный с индивидуацией: с тем, как человек становится самим собой в диалоге с бессознательным, с историей своей души, с архетипами, которые живут в нем и через него.

Свобода в этом контексте – не вседозволенность и не уход от обязательств. Это способность сказать «да» своей судьбе, приняв ответственность за то, кем я являюсь и кем еще только могу стать. Это внутреннее согласие жить не по сценарию, навязанному родом, обществом, страхом, но по зову Самости – того центра, который знает, в чем наше предназначение, даже когда сознание еще сомневается. Ограничения, напротив, не просто помеха. Они – тень, через которую открывается свет. Они – барьеры, в которых скрыт переход. Принятие ограничений как смыслового рубежа – это акт зрелости. Это отказ от иллюзии всемогущества ради обретения

реальной формы. Только то, что ограничено, может стать целостным.

На этом пути архетипы – наши спутники. Тень требует честности и мужественного взгляда внутрь. Анимус (или Анима) просит быть разоблаченным в своей ложной, разрушительной форме и быть принятым в своей истинной, направляющей сути. Самость не диктует, но призывает: не к совершенству, а к подлинности.

Как мандала, индивидуация – это структура, в которой напряжения не исчезают, а уравниваются. Этика – это способность жить в центре этой мандалы, удерживая внутренние противоположности, не подавляя их, но преобразуя. Это путь, на котором свобода и ограничение становятся двумя сторонами одного движения: движения к себе.

В этом смысле каждый аналитический процесс – это не просто лечение. Это путь становления личностью, где каждое «нет» и каждое «да» – это не реакция, а выбор. Выбор, который делает человека не идеальным, но настоящим. И именно в этом – глубочайшая этика бытия.

Список использованной литературы

1. Edinger, E.F. Ego and Archetype. Shambhala, 1992.
2. Hillman, J. Re-Visioning Psychology. HarperPerennial, 1977.
3. Jacoby, M. Individuation and Narcissism. Routledge, 1990.
4. Jung, C.G. Aion. CW 18, §1401.
5. Jung, C.G. The Archetypes and the Collective Unconscious. CW 9i.
6. Jung, C.G. Letters, Vol. 1: 1906–1950. Princeton University Press, 1973.
7. Jung, C.G. Psychological Types. CW 6, §814.
8. Jung, C.G. Psychology and Alchemy. CW 12, §567.
9. Jung, C.G. Two Essays on Analytical Psychology. CW 7, §121.
10. Neumann, E. Depth Psychology and a New Ethic. Shambhala, 1990.
11. Singer, J. Boundaries of the Soul. Anchor Books, 1972.
12. Stein, M. Jung's Map of the Soul. Open Court, 1998.
13. Stein, M. Transformation: Emergence of the Self. Chiron Publications, 1998.
14. Von Franz, M.-L. Shadow and Evil in Fairy Tales. Shambhala, 1995.
15. Woodman, M. The Pregnant Virgin. Inner City Books, 1990.

Четвертухина Яна Руслановна

*Аналитический психолог
Член ААП
Участник ГПП ААП
г. Санкт-Петербург, Россия
chetv.iana@gmail.com*

Роль архетипа Трикстера на пути от морали к этике

Аннотация

В статье рассматривается внутренний процесс перехода от моральной к этической установке как этап эволюции сознания. Автор анализирует значение и функции морали и этики, их границы и взаимосвязь, а также роль, которую каждая из этих установок играет в психической жизни личности.

Особое внимание уделено амбивалентной природе архетипа Трикстера, чьи противоположные аспекты способствуют переходу от коллективных норм к индивидуальной этической позиции. Показано, что синтез морали и этики лежит в основе формирования зрелой личности, в которой мораль обеспечивает социальную адаптацию, а этика – внутреннюю трансформацию и подлинность.

Практическая ценность работы заключается в представленных методах безопасного сопровождения этого перехода в терапевтической практике.

Ключевые слова

Архетип Трикстера, мораль, этика, совесть, индивидуация, интеграция Тени, символизация.

Введение. Что такое «хорошо», а что такое «плохо»?

Хочется начать с дзен-буддийской притчи:

«Два монаха: юный послушник и старый мудрец шли по дороге. Они были безмолвны – путь был долгим, и каждый шел в своей тишине. На берегу реки они встретили женщину. Она не могла перейти бурный поток: одежда была тяжела, и вода унесла бы ее, вздумай она пройти через реку. Один из монахов, не говоря ни слова, подошел, поднял ее и перенес на другой берег. Женщина поблагодарила, и они разошлись каждый своей дорогой. Прошло несколько часов, прежде чем второй монах нарушил молчание. Он был напряжен, сдерживал себя. Наконец, он не выдержал и сказал:

- Мы дали обет. Нам нельзя прикасаться к женщинам. Ты нарушил это правило.

Первый монах ответил:

– Я оставил ее у реки. А ты все еще несешь ее с собой».

Эта притча задает нам извечный вопрос: «Что такое хорошо, а что такое плохо?». И если В. Маяковский дает исчерпывающий ответ для детского сознания, то что же делать личности, которая сталкивается с тем, что К.Г. Юнг называл «ужасающие коллизии [совести] с долгом» [9]?

– Я сделал это, потому что той женщине нужна была помощь. Помочь ей было милосердно, добродетельно и правильно, – мог бы ответить старый монах, апеллируя к некоему иному источнику «правильности», устанавливающему внутренние приоритеты. Он мог бы пригласить юного собеседника в пространство, где нет внешней гарантии «правильности».

В аналитической психологии мы назвали бы это разворотом от внешнего к внутреннему. От коллективного к индивидуальному. К выбору быть не «хорошим», а «искренним».

От морали к этике.

Мораль и этика: конфликт внутри личности.

Переход к этике как стадия развития сознания.

«Требуется необычайное мужество или, что то же самое, непоколебимая вера, когда мы желаем следовать собственной совести», – пишет К.Г. Юнг в статье «Совесть с психологической точки зрения». В ней же он различает «моральный кодекс» и «совесть». Или «моральный» и «этический» аспекты совести [9].

Под моральным аспектом он понимает голос культуры, религии, традиции, обычаев, общезначимых правил [9]. Она работает автоматически, сверяя наши действия с коллективной системой.

Этическая же совесть – это голос Самости, который слышится, когда оказывается невозможным следовать морали без внутренних противоречий. Когда *«становится очевидным различие между [коллективным] нравственным кодексом и [личной] совестью»* [9]. Рождение этики требует размышления и душевной работы, как минимум для того, чтобы оказаться способным пережить последствия неподчинения. Опереться на нечто, что имеет больший вес, на собственные внутренние координаты, которые К.Г. Юнг называл «гласом Божьим» [9]. На ответы, исходящие из Самости.

Э. Нойманн также подчеркивает, что переход к новой этике (в оппозицию старой, которая зиждется на коллективной морали. – *прим. авт.*) требует высокой нравственной зрелости, понимания себя как целостной личности с интегрированной Тенью и принятия своего внутреннего мира без иллюзий [2].

В своей книге «Происхождение и развитие сознания» он выделяет такие этапы эволюции Эго как [3]:

1. Уроборическая стадия.
2. Стадия разделения Прародителей Мира.
3. Стадия трансформации.

На втором этапе, этапе разделения Прародителей Мира, сознание проходит путь Героя, осознавая себя и свое достоинство. Отделяя себя от коллективного, Эго вступает в конфликт с собственным Отцом, охраняющим старый порядок. Психика ставит на первое место «внутренний голос», веление надличностного Отца или архетипа Отца, который желает, чтобы мир изменился [3].

Но каким образом осуществляется эта стадия героического развития личности? Что приводит к ее завершению и, как следствие, рождению внутренней аутентичной позиции по отношению к себе и к миру? Как стать подлинным героем, который *«приносит новые ценности и разбивает структуру старых, то есть Отца-Дракона. Дракона, который, опираясь на весь авторитет традиции и силы коллектива, постоянно стремится помешать рождению нового»* [3]?

Мы подойдем к вопросу о том, как сознание побеждает Отца-Дракона через образ фигуры, которую К.Г. Юнг считал одним из самых древних и важных архетипов – фигуру Трикстера, без которой невозможна трансформация сознания.

Архетип Трикстера в мифах и современности. Грехопадение как начало этики.

Трикстер – обманщик, нарушитель, насмешник, бог дороги, переодетый в дурака. Он приводит личность в состояние замешательства, из которого уже

невозможно выйти прежним. Он – разрушитель систем. Тот, кто прокладывает путь непроявленному. Он создает конфликт, игнорировать который невозможно. Как и в рассказанной выше притче, он обнажает условность и двойственность ригидной моральной установки, расчищая пространство для рождения нового.

Так делает Гермес, когда крадет стадо у Аполлона в день рождения.

Так делает Баба-Яга, когда дает Василисе череп со сжигающим огнем.

Так делает Иисус, когда исцеляет в субботу, прощает блудниц, обращается к мытарям и отвергает букву Закона, заменяя ее живым и сострадательным отношением к бедствующему человеку.

Что же требуется для того, чтобы встать на путь этики – не как идеологии анархии, а как живой связи с внутренним компасом Самости?

Э. Эдингер на примерах мифов об Адаме и Еве и Прометее отмечает, что: *«Приобретение сознательности – это преступление, высокомерный поступок (hubris) по отношению к вечным силам. Но это неизбежное преступление, поскольку оно приводит к необходимому отчуждению от естественного бессознательного состояния целостности»* [5].

На глубинном уровне это преступление – катастрофичный бунт против Бога, Природы, мироздания. А на личностном уровне – вина перед родителями, семьей, церковью, сообществом. Это ощущение стыда, оторванности и одиночества. *«Любой шаг в индивидуации воспринимается как преступление против коллектива»* – поясняет он [5]. В том числе против коллективной морали.

Так каким же образом сознание все-таки выходит из безопасного, райского бессознательного единства, где нет вины и ответственности, а есть только послушание?

Исходя из вышеупомянутого мифа о грехопадении, мы можем ответить таким образом: мы покидаем рай, когда поддаемся соблазну. Когда ощущаем ценность того, что лежит за пределами райского блаженства и неведения. А значит, в соответствии с гностической традицией, Змей – это тот, *«кто вечно хочет зла, но совершает благо»* [1]. Он тот, кто помогает совершить необходимое преступление.

Нужно сбиться с пути, который вымощен правильными, но чужими словами. Нужно потеряться. И нужен тот, кто соблазнит или запутает, ведь без нарушения коллективной морали не начинается развитие индивидуального сознания.

Э. Эдингер описывает случаи, когда *«развитие [клиента] приостановилось именно в тот момент, когда необходимо было совершить неизбежное преступление. Некоторые из них говорят: «Я не могу разочаровать моих родителей или семью». Человек, проживающий со своей матерью, говорит: «Я хотел бы жениться, но это убьет мою бедную старую*

маму». Вполне возможно, что так и произойдет [...] В таком случае обязательства по отношению к матери слишком сильны, чтобы использовать какой-либо иной комплекс критериев жизни. Здесь просто еще не возникло ощущение ответственности по отношению к своему личному развитию» [5].

Способность взять ответственность за свое личное развитие – значит обрести достаточно прочный фундамент, почувствовать внутреннюю основу. Крепкое Эго, которые не разрушится, когда мы бросим вызов внутренним Богам, голосам Супер-Эго, отцовскому закону, привычной маске Персоны.

В практике я сталкивалась с историей мужа моей клиентки, который рискнул взять на себя подобную ответственность. Он решил сменить работу на более высокооплачиваемую, но требующую на неопределенное время доверить содержание семьи своей жене. И ей было действительно очень непросто. Девушка делилась довольно сложными переживаниями, с которыми ей пришлось столкнуться: раздражение, ощущение оставленности, покинутости.

В контрпереносе я чувствовала отчаяние и бессилие. Когда я размышляла о ее муже, мне казалось, я ощущала уязвимость его позиции. Стыд, за потерю лица, за потерю своей мужественности. Я думала об истории, где сыновья Ноя прикрыли наготу своего предка. Что двигало ими? Рискну предположить, что то же, что и моей клиенткой: уважение, благодарность, чувство долга. Она рассказывала мне, что когда-то муж дал ей такой же шанс. И она хочет отплатить ему тем же.

Если посмотреть на внешние процессы этого случая, как на проекцию внутренних процессов анализантки, то можно предположить, что в психике происходит разворот от коллективного к индивидуальному. От того, что было Персонным, необходимым для успешной адаптации, к индивидуальному, Самостному. Что контакт с Самостью укрепляется. На языке алхимии мы могли бы сказать, что на этапе Albedo проясняется путь и пробуждается решимость следовать по нему.

И этот разворот имеет свою цену. Как и отмечал Э. Эдингер, не каждый рискнет воспользоваться подобным шансом, предчувствуя серьезное сопротивление [5]. Не каждый найдет в себе достаточную опору для того, чтобы пройти через непростую и болезненную трансформацию. Но нет большей награды, чем радость от ощущения себя самим собой.

Техника безопасности при работе с энергиями Трикстера

Вот еще пример: окружающие часто могут апеллировать к высоким планкам, которые ставит перед аналитическим психологом (или перед психологом в целом) его профессия. Все мы знаем фразу: «ты же психолог», в

которой отчетливо читается желание видеть в аналитике безгрешную идеальную, эталонную фигуру.

Более того, аналитик может и сам слышать этот строгий внутренний голос. Однако, как отмечает К.Г. Юнг: «*душа требует глупости, а не мудрости*» [7]. Задача аналитика – не сохранять лицо, а создавать пространство, в котором душа может быть нелепа, непоследовательна и жива.

Стоит отметить, что аналитик имеет дело с «радиоактивными веществами», обращение с которыми действительно требует многого от личности. Несмотря на то что этот доклад описывает фигуру Трикстера с позитивной стороны, безусловно, у нее есть и другой полюс. Мы сталкиваемся с опасностью вызвать неконтролируемую ядерную реакцию, следствием которой станет взрыв, который не только не трансформирует границы, но и снесет их до основания.

И это крайне сложный момент. Ведь, с одной стороны, мы должны согрешить, чтобы осуществить переход из коллективного в индивидуальное. Мы должны соблазниться, запутаться, поверить в целесообразность и правильность «внутреннего голоса Змея». Усомниться в моральной основе нашей личности. Допустить иную трактовку, казалось бы, незыблемых законов.

Но с другой стороны, этот процесс должен протекать в определенных границах, чтобы остаться экологичным по отношению к психике.

Я полагаю, что в этой точке мы можем очень хорошо почувствовать, что ощущает наш клиент перед побуждением Самости к индивидуации. Как ему может быть страшно, как сильно он может сомневаться, как может бояться последствий.

Что же может помочь аналитику пройти между Сциллой и Харибдой?

Что помогает Трикстеру не залезть на стул Эго, взяв его под свой полный контроль?

Что может помочь дозировать эти энергии?

Ответом становится символизация, позволяющая оставлять процесс преобразования там, где ему самое место – в пространстве психического. Это путь проживания символа, вчувствования в него: какой он? Его цвет, форма? Что переживает наше тело? Что за мысли начинают течь в сознании? Какую мелодию мы слышим вокруг него? Какие эмоции он пробуждает в нас? А какие воспоминания?

Символ позволяет создать мост между бессознательной и сознательной частями психики, предотвращая таким образом ее раскол [3]. Мы можем рисовать его, лепить, играть, писать, выражать телом в танце, смотреть на то, что приходит вместе с ним в активном воображении, амплифицировать его. Все это – не просто блажь, а необходимость. Ведь, как писал К.Г. Юнг: «*то, что остается бессознательным в психике, проявляется вовне как судьба*» [6].

В аналитических отношениях ценой игнорирования просыпающегося архетипа становится захваченность и отыгрывание.

Таким образом, символизация – это способ не допустить прямого и буквального отыгрывания архетипа, а возможность дать ему место в психике. Символ не уничтожает энергию, но переводит ее в форму, пригодную для восприятия сознанием, не позволяя ей при этом оставаться в своей сырой и буквальной форме.

Захваченность Трикстером. Соблазны аналитика и их последствия.

Дополнение морали этикой – это не просто интеллектуальное различие между внешним правилом и внутренним выбором. Это живой, психически затратный процесс. Он требует *«мужества быть верным своей совести»* [9], когда она вступает в конфликт с коллективным кодексом.

И задачи аналитика здесь не тривиальны – не стать Трикстером, но создать и удержать пространство, в котором Трикстер может проявиться. Это означает, что аналитик не вмешивается преждевременно, не указывает путь, не спасает, а остается в позиции терпеливого и внимательного свидетеля, отказывающегося от притязаний на полное понимание души другого. Свидетеля, который позволяет прозвучать внутреннему голосу клиента.

Аналитик здесь выступает в роли повитухи, а не роженицы.

В противном случае, мы рискуем сами стать Трикстерами, подменяя собой психическую реальность клиента. Мы можем заразить процесс своим нарциссизмом или контролем, и выдать свою анархию за свободу клиента.

Когда энергия Трикстера активизируется в поле, аналитик может ощутить утрату ориентиров. Его контрперенос может сопровождаться чувством растерянности, тревоги, двойственности, желанием нарушать установленные правила сеттинга и этики ведения анализа.

Анализант, захваченный Трикстером, может соблазнять аналитика, пробуждая и в нем желание выйти за рамки. В такие моменты особенно может потребоваться внутренняя искренность для того, чтобы признать подобные влечения, поскольку идея оставаться не вовлекающейся и непричастной стороной может быть довольно соблазнительна. С этой позиции легче исследовать иногда довольно неловкие, постыдные, уязвимые точки анализанта, зная, что не придется в ответ демонстрировать свои.

Самораскрытие аналитика перед клиентом подчиняется идеи целесообразности, во избежание использования его в качестве контейнера.

Однако, если мы находим в себе смелость развернуться к тому, что возникает в ответ, мы легко можем обнаружить внутреннее смятение, неловкость и смущение от открывшихся собственных желаний.

И чтобы в этой ситуации помочь клиенту прожить эти архетипические энергии, которыми пропитываются терапевтические отношения, аналитику жизненно важно обращаться к супервизиям и личному анализу.

Энергия архетипа подобна электричеству, протекающему по цепи. За каждым звеном должно быть следующее. И уходить цепь должна в землю. Держащий же ее в руках рискует оказаться в жизнеугрожающей ситуации.

Признав в супервизиях и анализе свою растерянность, незнание, свои внутренние влечения и слабость своей воли перед ними, аналитик может помочь клиенту перевести его влечения в символическое пространство, так как и сам проделал это. И здесь в ход может пойти все, что способствует символизации: активное воображение, метафора, творчество, юмор.

Юмор позволяет человеку безопасно и творчески соприкоснуться со своей теневой стороной и снизить внутреннее напряжение. К.Г. Юнг также отмечал, что *«немного юмора, иронии необходимо для того, чтобы уравновесить серьезность и тяжесть этих переживаний, и чтобы мы не оказались захваченными ими слишком буквально»* [8]. Таким образом, юмор помогает человеку в безопасной манере соприкоснуться с непринятными ранее частями личности.

Есть одна известная шутка: лежат в постели муж и жена. Женщина с придыханием обращается к мужчине: *«Дорогой, накажи меня!»*. А муж отвечает: *«Спи, Таня, ты ни в чем не виновата»*.

Однажды я услышала в подкасте радио Маяк с забавным названием «Мужчина, руководство по эксплуатации» очень любопытное описание эпизода психологической работы, где прозвучала эта шутка. Девушка, пришедшая на прием, довольно долго рассказывала о том, какая она плохая мать, как недостаточно заботиться о детях. Психолог молчал. Затем она принялась говорить что-то о своей нереализованности. Психолог продолжал молчать. Потом стала говорить о том, как она не может бросить курить. Психолог молчал. *«Ну вы скажете в итоге что-нибудь?»* – возмутилась она. *«Спи, Таня, ты ни в чем не виновата»*, – ответил он. Женщина рассмеялась. Психолог описывал, что атмосфера тут же изменилась, появилось ироничное отношение к описанным проблемам, которое помогло впустить в пространство кабинета ранее неподъемное чувство вины.

Психологические последствия отказа от моральной эволюции

Жизнь может сложиться таким образом, что для ростков индивидуации среда будет слишком неподходящей. Не будет достаточных стимулов для психической эволюции или индивидуация может быть невозможна в данном месте и времени для конкретного человека.

Однако, если дороги открыты, а мы делаем выбор остаться лишь в пределах морали, доставшейся нам в наследство, или, говоря в терминах структуры личности, в рамках Персоны – это имеет свои психологические последствия. Если коллективная мораль не дополняется индивидуальной этикой, то психическая энергия, связанная с Самостью, не реализуется, и вместо индивидуации мы получаем внутренний конфликт, лишаемся подлинности, ощущаем пустоту, апатию или впадаем в депрессию.

Психика начинает подавлять живые импульсы, принося в жертву спонтанность, желание, творческое начало. Мы можем наблюдать развитие невротического чувства вины, не связанного с конкретными действиями. Нам может казаться, что она возникает из-за невозможности соответствовать идеалам. Но на самом деле это вина за излишнее рвение вписать себя в них. Это вина за предательство самого себя и идеалов своей души.

Фиксация на морали может проявляться в сверхконтроле и стремлении к перфекционизму, которые скрывают под собой страх неподчинения внутреннему диктату морали.

На клиническом языке это может принимать форму депрессии, тревожных расстройств, обсессивной структуры личности.

Как писал Д. Хиллман [4]: *«отсутствие контакта с даймоном (уникальным внутренним потенциалом каждого человека. – прим. авт.) ведет к внутренней пустоте, депрессии и ощущению бессмысленности жизни».*

Заключение

Место этики и морали в личности.

Таким образом, мы видим, что эволюция морали – процесс, необходимый для осуществления индивидуации. А этический взгляд – не блажь, а естественное следствие развития сознания. Однако, когда мы говорим о морали и этике, важно не сделать между ними выбор, а найти каждой категории свое место.

Изначально мораль занимает место монополии в структуре личности. Она приходит через вписанность человека в коллективное: через семью, культуру, традицию. Это внутренняя система координат, унаследованная от внешнего порядка. Она говорит: *«Так правильно»*, *«Так нужно»*, *«Так принято»*. В аналитическом языке мы могли бы сказать, что мораль ближе к Персоне – к тому, что помогает адаптироваться, быть принятым, соответствовать, быть частью общества, к которому мы принадлежим.

Этика же – порождение стремления психики к целостности. Она вырастает из морали, уравнивая ее, становясь в аспекте личного/коллективного ее противоположностью. Она о том же – о системе правил, о стремлении к порядку – но растущая из личной Самости каждого.

Этика рождается через внутреннее напряжение, руку к созданию которого прикладывает фигура Трикстера. Этому рождению способствует чувство, когда, следуя коллективным правилам, человек ощущает, что теряет нечто важное для себя. Будто душа оказалась в вязком болоте, сковавшем ее способность двигаться.

Этика не предлагает готовых решений. Она требует размышления, различения, ответственности. И всегда связана с риском. Потому что, выбирая по личной совести, человек может оказаться в противоречии с тем, что «принято». Этика – это не про то, «как надо», а про то, «как искренне».

Важно при этом не противопоставлять мораль и этику как добро и зло. И не сводить разговор к простому конфликту между свободой и запретом. Речь идет о двух необходимых функциях психики:

Можно сказать, что мораль структурирует, а этика дифференцирует.

Мораль удерживает, этика – меняет.

Мораль – про безопасность подчинения. Этика – про индивидуальный выбор.

Мораль – про вписанность в коллективное. Этика – про свободу индивидуального.

И этот выбор требует внутренней работы – выдерживания чувства вины через принятие ответственности. И сознательное принятие коллективного в том числе, как неотъемлемой части существования человека.

В психике должно быть место и тому и другому. Мораль создает структуру. Этика – делает эту структуру живой. Без морали, без родства с Божественным отцом, наступает хаос доведенного до крайности неолиберализма, где всем можно все. Героем становится «вечный сын» или «вечный революционер». Но *«отсутствие отождествления с Отцом не позволяет вечному юноше когда-либо обрести его царство»* [3], то есть выстроить систему законов и правил, по которой могло бы функционировать обновленное Эго, новая культура.

Без этики мы, не отличающие себя от Прародителей, оказываемся в ригидном и застывшем пространстве тирании консерватизма, где нет места ничему новому, никакому изменению. Мы оказываемся в крайности абсолютной власти Отцовского принципа без возможности развить собственный взгляд на мир и на себя. А путь личности, как всегда, пролегает где-то посередине.

Список использованной литературы

1. Гете И. В. Фауст. Трагедия / Гете И.В. // *Собрание сочинений в 10 т.* - Москва: Художественная литература, 1975. - Т. 7.
2. Нойманн Э. *Глубинная психология и новая этика.* – Москва: Академический проект, 2003.
3. Нойманн Э. *Происхождение и развитие сознания.* - Москва.: Ваклер, 1998.
4. Хиллман Д. *Код души. В поисках характера и призвания* / [пер. с англ. М. В. Кузнецовой]. - Москва: АСТ, 2007.
5. Эдингер Э. *Эго и архетип. Индивидуация и религиозная функция психики.* - Москва: Когито-Центр, 2007.
6. Юнг К. Г. *Аион. Исследование о символике самости* / Юнг К. Г. // *Собрание сочинений.* - Москва: Канон, 2011. - Т. 9, ч. 2.
7. Юнг К. Г. *Красная книга. Liber novus* / [пер. с англ. С. В. Лукьянова]. - Москва: Когито-Центр, 2012.
8. Юнг К. Г. *Психология и алхимия* / [пер. с англ. А. М. Руткевича] // *Собрание сочинений.* - Москва: Рефл-бук, 1997.
9. Юнг К. Г. *Совесть с психологической точки зрения* // *Избранные труды по аналитической психологии.* - Москва: Республика, 1994. - С. 177–196.

Каневская Нина Викторовна

*Кандидат психологических наук
Юнгианский аналитик (РОАП/ААР)
Танцевально-двигательный психолог
Преподаватель Базового курса
по аналитической психологии (ВЕИП)
Сертифицированная ведущая
практики Аутентичного движения
г. Санкт-Петербург, Россия
ninakanevskaia@yandex.ru*

С чего начинается этика? Уровни сознания, истоки опыта и телесная мудрость

Аннотация

Этические вопросы возникают каждый день как в личной жизни, так и в профессиональной. Можно только отнести их заряженность к высоковольтажным или низковольтажным. Несмотря на то что каждый специалист читает и принимает этический кодекс и знает «что можно, а что нельзя», это не спасает от так называемых «промахов» и ошибок. Почему? Каковы истоки «соображений морального характера» [2]? Жизнь очень часто не вписывается в однозначность описаний правил, а принятие решения ведь все равно является актом воли того, кто это решение принимает. Как же нам двигаться в решении ситуаций, которые внутри переживаются как неясные? Как так получается, что мы знаем «правильное» решение, но для определенного случая делаем исключение? И что делать, когда нет правил, и супервизия не помогает «устаканить» решение внутри?

Автор статьи хотела бы пригласить к самому главному источнику мудрости: телесному опыту, который может стать очень ясным руководством. Ниже будут рассмотрены теоретические аспекты темы: уровни сознания как основа формирования этического выбора, истоки этического опыта.

В рамках самой конференции была и практическая часть, где с помощью

Активного воображения в движении (Аутентичного Движения) каждый участник получил возможность исследовать этические дилеммы из своего опыта и получить на них ответы из недр телесной мудрости.

Ключевые слова

Этика, совесть, Самость, Эго, бессознательное, соматическое бессознательное, телесно-воплощенный опыт, телесная осознанность, трансцендентная функция, индивидуация, Тень, высоковольтажные и низковольтажные этические ситуации, активное воображение, Аутентичное движение, , соматические симптомы.

«Никогда слепое примирение ничего не решало, приводя в лучшем случае к застою. А расплачиваться за него придется следующим поколениям».

К.Г. Юнг «Воспоминания, сновидения, размышления» [2]

Чтобы подойти к теме данной статьи, сделаем шаг в сторону прояснения того, чем само понятие Этики отличается от этического кодекса. Денис Земор ясно показывает, что:

1. Этический кодекс находится на стороне правил, в то время как этика связана с ценностями.
2. Этический кодекс является юридически обязательным, в то время как этика в некоторой степени необязательна.
3. Этический кодекс – это соглашение, коллективный компромисс в отношении практики, в то время как этика индивидуальна, связана с личностью человека, которая постоянно подвергается сомнению и вызывает постоянную озабоченность.
4. Этический кодекс – это установление правил извне, в то время как этика связана с совестью, с интуитивным представлением о том, что мы считаем хорошим и что не может быть кодифицировано [8].

Иными словами, движение, которое обретает понятие «этика», направлено в мир внутренний, в поиск и установление некоторого внутреннего «компаса», определяющего то содержание, которое будет вписано в структуру поведения, закрепленного в том числе и в этическом кодексе. Внесем сюда еще и то, что этика представляет собой ценностное суждение о действиях аналитика, и само это действие предполагает суждение. Интересно также, что часть действий (аналитика) остается скрытой от него самого в переносе и контрпереносе, а, например, интерпретация сновидения определенным образом подразумевает оценку.

Поэтому, когда мы обращаемся к вопросам этики, скорее, нам нужно представить некое «этическое место, пространство», которое затрагивает область бессознательного и уже содержит некоторый внутренний конфликт аналитика, либо только смутно себя обозначает через соматические реакции, переживание беспокойства или гнева, злости и раздражения.

К.Г. Юнг интересовался вопросами этики на протяжении всей своей жизни. Он показал сосуществование добра и зла и относительный аспект каждого из них, признавая при этом вездесущность морального суждения. Он проводил различие между этикой и нравственностью, указывая на то, что цель людей не в том, чтобы быть хорошими, а в том, чтобы стать автономными. Он уточняет, что каждый этический закон может превратиться в свою противоположность, если довести его до предела. В своей работе «Воспоминания, сновидения, размышления» К.Г. Юнг описывает ряд этических вопросов, которые вставали перед ним, и показывает путь принятия решения. Вот одно из таких «этических мест»: *«...я дописывал работу, которая должна была способствовать моему продвижению в университете... совпадение моих результатов с выводами Фрейда не сулило ничего хорошего. Однажды, когда я работал, не иначе как дьявол шепнул мне, что можно опубликовать результаты моих экспериментов и мои выводы, не упоминая Фрейда. Но тут заговорило мое второе «я»: “Если ты сделаешь вид, что не знаешь о Фрейде, это будет заведомый обман. Нельзя строить жизнь на лжи”*. С этого момента я открыто принял сторону Фрейда» [2].

Позже, когда К.Г. Юнг получает открытое письменное угрожающее отвержением предупреждение об упоминании Фрейда, он ясно отвечает: *«Чего стоит карьера, которую нужно строить, ограничивая исследования и замалчивая факты»* [2].

Из описанного опыта ясно, что второе «я» К.Г. Юнг не только услышал, но и «понял», что именно этот голос нужно послушать. Это очень значимый момент, ведь голосов может быть много, они могут отражать разные части нашей психики (в том числе и автономные комплексы). Несомненно то, что здесь Юнг услышал голос Совести. А значит, у него был телесно-воплощенный опыт узнавания такого голоса, как определяющего дальнейший

путь действий и суть решения. Способны ли мы слышать, слушать и выбирать голос Совести? Дело в том, что изначально совесть говорит не вербальным языком, а соматическим – некоторым, смутно ощущаемым, но все же ясным откликом в теле на определенные ситуации и обстоятельства.

Хотелось бы еще привести те этические дилеммы, которые К.Г. Юнг смог разрешить в своей жизни благодаря вниманию к своей совести. Он описывает один из опытов, заставивших его поступить противоречащим нормам образом. Речь шла о молодой женщине, поступившей в его отделение (во время работы в психиатрической клинике в Бургхольцли) с диагнозом шизофрения и негативным прогнозом. Будучи очень молодым специалистом, К.Г. Юнг все же заподозрил что-то странное и решил «*применить свой собственный метод*» [2], проведя с ней ассоциативный эксперимент. Он пишет: «*Я получил информацию непосредственно из бессознательного*» [2], выяснив, что пациентка считала себя убийцей. К.Г. Юнг описывает суть его внутреннего конфликта: «*Должен ли я вмешаться, имею ли на это право? Это было вопросом моей совести (выделено автором статьи), и решить его мог только я*» [2]. Важно сделать видимым, что уверенности в благополучном исходе не было ни у К.Г. Юнга, ни у его коллег. И все же он решился и рассказал пациентке то, что понял из результатов ассоциативного эксперимента. Эффект был «*...поражительный: через две недели она выписалась из клиники и никогда больше не возвращалась*» [2]. Груз из бессознательного был перенесен в Эго, приобретя ясность и видимость.

Другая этическая дилемма относится к периоду, когда К.Г. Юнга целиком захватил материал из его бессознательного, и он решил оставить работу в Цюрихском университете: «*...я стоял перед выбором: или продолжить свою вполне успешную (выделено автором статьи) академическую карьеру, или, следуя логике своего внутреннего развития, целям высшего порядка, ценой невероятных усилий двигаться вперед, не прекращать удивительный опыт – диалог с бессознательным*» [2].

К.Г. Юнг уволился.

Он делает важный акцент: «*...решающим в конечном счете является все же сознание. Именно оно должно определиться по отношению ко всякого рода бессознательным проявлениям*» [2]. И я бы добавила: определиться, выстроив надежный телесно-воплощенный опыт узнавания голоса Совести и согласованного с ним поведения.

Следуя за Клаудио Видманом в определении высоковольтажных и назковольтажных синхронистических событий, я бы предложила внести в размышление об этических нарушениях и их «размере» эти же термины [9]. Так, к высоковольтажным этическим ситуациям можно отнести сексуальное использование, преследование, обман, нарушение конфиденциальности и др. К низковольтажным этическим ситуациям можно отнести проблемы,

связанные с историей прихода пациента, историей оплаты, помощью, самораскрытием, позволением расширять рамку и др.

Понятие вольтажности связано с тем, что недостаточно заставить бессознательное стать сознательным. Необходимо также **связать** с сознанием динамические содержания, возникающие из бессознательного, а затем прожить и переработать на телесном, эмоциональном и интеллектуальном уровнях. Эго должно быть лишено своего центрального положения в пользу Самости. Эта жертва инициируется признанием Тени, потерь и скорби, которые испытывает индивид. Одновременно с этим существуют опасности отождествления с Самостью: Эго раздувается за счет Самости. А принесение Самости в жертву всемогуществу Эго приводит к возникновению препятствий для жизни и свободы.

Таким образом, именно Эго является ответом на противоречивые бессознательные движения; оно отвечает за этические обязательства и за выбор индивидом различных архетипических констелляций. Этическая позиция принимает во внимание целостность субъекта – отношения между сознанием и бессознательным. Эти отношения состоят из структуры, которая предлагает возможность быть полностью самим собой. Иными словами, этика напрямую связана с настроенностью индивида направлять внимание на проявления своего соматического отклика на события, на язык соматического бессознательного, что и формирует основу телесно-воплощенного опыта.

Императив опыта, как правило, запускается вопросом: «*Что мне делать?!*». Развитием, следующим за этим будет вопрос другого качества: «*А что Вы чувствуете (ощущаете)?*». Этический опыт лежит на территории встречи юнгианских концепций и наличия телесно-воплощенного опыта.

На рисунке 1 показана прямая связь таких концепций как трансцендентная функция, идентичность, синхронистичность с качествами, приобретаемыми в жизни через телесно-воплощенный опыт. Чтобы раскрыть содержание темы, обратимся к центробразующей аналитическую психологию концепции трансцендентной функции. Денис Земор показывает, что *«трудно придерживаться идеи о том, что человек должен оставаться между противоположностями, не подавляя их. Одно обуславливает другое, но одно не является другим; **конфликт возникает, когда содержание Тени претендует на то, чтобы быть связанным с содержанием сознания**»* (выделено автором статьи) [8]. К.Г. Юнг настаивал на том, что при наличии конфликта противоположности активируются; появляется возможность сравнить игнорируемую и отвергаемую часть личности с иллюзией того, что, как человек думает, он знает.

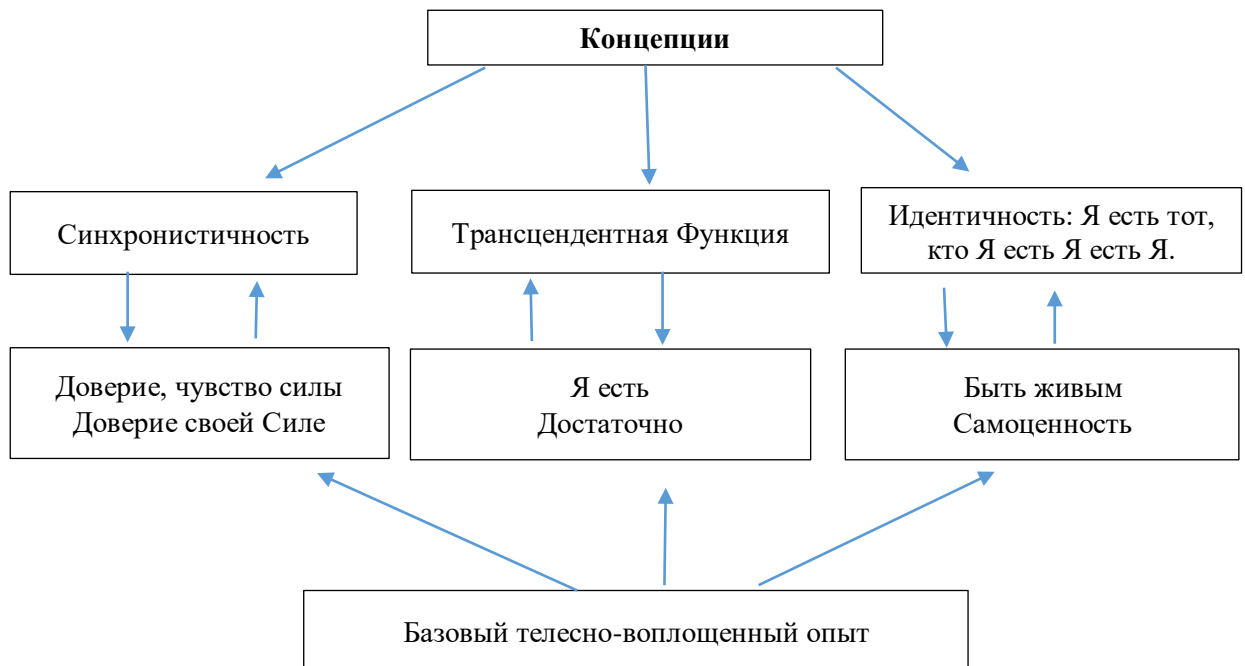

Рисунок 1 – Соединение юнгианских концепций и телесно-воплощенного опыта

Объединение противоположностей – это цель процесса индивидуации: сознательное достижение Самости, что является целью юнгианского анализа. Это также средство, используемое сознанием для достижения этой цели: «"Бессознательное работает удовлетворительно только в том случае, если сознание выполняет свою задачу до конца" (CW8, пар. 568)» [8]. Однако Эго укоренено в теле, а, значит, и телесная осознанность является здесь значимой величиной, влияющей на активацию и работу трансцендентной функции, и, как следствие, принятия голоса Самости (что и есть совесть).

В связи с вышесказанным, можно сделать вывод о том, что этика зарождается в соматическом опыте и в диалоге соматического бессознательного с Эго. Соматическое бессознательное может получать и передавать информацию разными способами – через образы, телесные ощущения, чувства и т. д. – однако прямой связью с сознанием оно, как правило, не обладает, поскольку его переживания кажутся Эго слишком болезненными. Аспекты личности, которые не имеют вербальной репрезентации, часто находят себе иное, телесное выражение и перерастают в соматические симптомы – тревогу, депрессию и диссоциацию.

Как правило, такому диалогу нужно учиться, и с этим прекрасно справляется практика Активного Воображения в Движении (Аутентичное движение). Практика Аутентичного движения укоренена в танце, а также в юнгианском методе активного воображения Юнга [1, 10]. С ее помощью человек полнее воспринимает чувства, телесные ощущения, двигательные импульсы, образы. Задачей является обучение ощущать «разницу между движением, направленным Эго (я двигаюсь), и движением, исходящим из бессознательного (мною движет)» [10]. Аутентичное движение использует телесные переживания человека как основной канал доступа к материалу бессознательного. Эти переживания исследуются в паре: Свидетель – Движущийся. Фокусируясь на себе, своих телесных ощущениях, образах и чувствах, пациент налаживает контакт с собственным внутренним миром. Движение из «мною движет» помогает придавать форму своему соматическому бессознательному, то есть бессознательному в том виде, в котором оно воспринимается и выражается на уровне тела. Такая практика позволяет прикоснуться к раннему (то есть невербальному) опыту. Нередко благодаря Аутентичному движению удается передать соматическими средствами даже те переживания, которые еще не были ментализированы и потому не имели словесного выражения [11].

Таким образом, отличаясь от этического кодекса, этика зарождается в недрах телесно-воплощенного невербального опыта (в детстве), где впервые появляется связь с переживанием себя живым, себя как смысла, находящегося на связи с совестью (то есть Самостью). Это в норме. Но большая часть людей воспитывается с опорой на внешнюю оценку, тем самым лишая себя слышания внутреннего голоса. Восстановить эту связь помогает Аутентичное движение как активное воображение в движении, приглашая соматический опыт и чувство движения к наблюдению и проживанию.

Список использованной литературы

1. Ходоров Дж. Танцевальная терапия и глубинная психология: движущее воображение. Москва.: Когито-Центр, 2016.
2. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Мн.: ООО «Харвест», 2003.
3. Adler J. Who is the Witness? A Description of Authentic Movement. Chapter 12// IN: Pallaro P. (ed) Authentic Movement. Essays by Mary Starks Whitehouse, Janet Adler and Joan Chodorow. Volume 1. London: JKP, 2005. P.141-159.
4. Jung C.G., CW: vol.11 Princeton University Press 1969
5. Jung C.G. 1970, CW: vol.1 Psychiatric studies, Princeton University Press
6. Jung C.G., CW 9 i (The archetypes and the collective unconscious) Routledge London 1955
7. Stromsted T. Authentic Movement: A dance with the divine// Body, Movement and Dance in Psychotherapy. 2009. P.1–13, iFirst.
8. Transcendent Function, London: Routledge, 1992// Denyse Zémor. Transcendent function and Ethics.
9. Widmann Claudio. Introduzione alla sincronicità. Edizioni Scienfiche, 2016. · 212 c.
10. Whitehouse M.S. Reflections on a Metamorphosis. Chapter 6// IN: Pallaro P. (ed) Authentic Movement. Essays by Mary Starks Whitehouse, Janet Adler and Joan Chodorow. Volume 1. London: JKP, 2005. P.51-57.
11. Wyman-McGinty W. The Use of Authentic Movement in supervising dance movement therapists// in Payne H. (ed.) Supervision of Dance Movement Psychotherapy: A Practitioner's Handbook. London: Routledge, 2008.

**Паротикова Наталья
Васильевна**

*Член ААП
Кандидат тренинговой
программы ААПР/ААР
г. Санкт-Петербург, Россия
natalya_parotikova@mail.ru*

**Мурзина Ирина
Геннадьевна**

*Член ААП
Республика Крым,
Краснопереконск, Россия
celestial76@mail.ru*

Этика Юнга и Биона в «Зеркале» Андрея Тарковского

Аннотация

Статья посвящена исследованию полевой этики как фундаментальной этической основы психоаналитической работы, чей главный принцип – совместное развитие сознания в поле аналитической пары. Проводя сравнительный анализ концепций альфа-функции У. Биона, трансцендентной функции и синхроничности К.Г. Юнга, авторы описывают их как единый процесс творения психики на различных уровнях личного и коллективного бессознательного. Исследуется влияние принципов полевой этики на работу со сложными клиническими случаями, в частности, с детьми с аутизмом. Через призму фильма Андрея Тарковского «Зеркало» рассматриваются ключевые аспекты полевой этики, такие как эмоциональный унисон, добровольная жертва, соотношение сакрального и профанного в анализе, защищающие от омертвления живой психической реальности в жестких теоретических схемах.

Ключевые слова

К.Г. Юнг, У.Р. Бион, А.А. Тарковский мл., аналитическое поле, полевая этика, альфа-функция, трансцендентная функция, синхроничность, Самость, Мировая душа, эмоциональный унисон.

Введение

Наша статья посвящена полевой этике или этике Мировой души – фундаментальной этической основе психоаналитической работы. Мы предлагаем термин «полевая этика», выводя его из сравнительного анализа двух ключевых концепций У. Биона и К.Г. Юнга – соответственно альфа-функции и трансцендентной функции, которые, по нашему предположению, описывают единый процесс творения психики, но на разных уровнях бессознательного. На реальном клиническом примере (работе с очень сложным маленьким пациентом – ребенком с аутизмом) мы попытаемся показать, как полевая этика позволяет достигать результата даже там, где привычные интервенции и техники не работают.

Мы считаем, что полевая этика – это лучшая защита от превращения аналитика в Прокруста, а анализа – в прокрустово ложе, то есть от омертвления живой психической реальности в жестких теоретических схемах. Амплифицируя через образы фильма Тарковского «Зеркало», мы рассмотрим, как основные принципы полевой этики (такие как эмоциональная правда, добровольная жертва и другие) формируют основу аналитической практики в кабинете.

Разумеется, это только первое приближение к раскрытию столь сложных и объемных вопросов, и тема требует дальнейших исследований. И начнем мы с рассмотрения влияния К.Г. Юнга на У. Биона.

Встреча Юнга и Биона

Уилфред Бион (1897-1979) – выдающийся представитель британской школы психоанализа, последователь Мелани Кляйн. У. Бион не только расширил ее теорию, но и разработал собственные концепции: мышления, контейнирования, групповой динамики, а также особый язык для описания психических процессов.

Как предполагает ряд исследователей (Дж. Гротштейн, М. Фордхэм, М. Уинборн и др.), К.Г. Юнг оказал значительное влияние на У. Биона. Непосредственный контакт между ними произошел в 1935 году на Тавистокских лекциях Юнга, где Бион задавал вопросы. И хотя, по словам Дж. Гротштейна, Бион *«не был ученым, который цитировал бы работы других людей»*, он предполагает, что Бион *«находился под сильным влиянием К.Г. Юнга или работал параллельно ему, не зная об этом»*. Дж. Гротштейн также отмечает, что Бион был одним из очень немногих психоаналитиков, кто *«действительно уважал религию, духовность, нуминозное»*, и все это – *«безусловно, Юнг»*. Однако в интервью 1976 г. У. Бион все же признал сходство, когда его спросили, связана ли его концепция «примордиального разума» с юнговской концепцией архетипов. Бион ответил: *«Я думаю, он*

[Юнг], вероятно, говорил о том же самом. Существует некий фундаментальный разум, нечто, что, кажется, остается неизменным во всех нас» [13].

Также известен личный экземпляр автобиографии К.Г. Юнга «Воспоминания, сновидения, размышления» (1965), принадлежавший У. Биону, с его многочисленными пометками и комментариями. Кроме того, ряд идей Биона очень близки юнговским. Так, напрашиваются параллели между концепциями О и Самости, альфа-функции и трансцендентной функции, бета-элементов и психоида и др. Все это свидетельствует об интересе У. Биона к К.Г. Юнгу, возможно, большем, чем он сам публично признавал.

Бион, погибший на войне

Перед тем как перейти к глубокому рассмотрению связи концепций К.Г. Юнга и У. Биона и их этических следствий, нужно упомянуть один важнейший факт о самом Уилфреде Бионе – и это будут очень страшные слова. Бион, проживший долгую жизнь (81 год), в действительности психологически умер в свои неполные 22. Это случилось в битве при Амьене во время Первой мировой войны, где молодой Уилфред Бион командовал танком и где на его глазах погибли все его товарищи. Он сам напишет об этом так: *«Я умер – 8 августа 1918 года. Я обнаружил, что с нетерпением жду, когда меня убьют. Я так и не оправился от пережитого в битве при Амьене. Я все еще чувствую, как моя кожа натягивается на кости моего лица, как будто это маска трупа»* [14].

Все последующее развитие У. Биона в психоанализе можно рассматривать как попытку реанимации психики – своей и других людей. Во время Второй мировой войны он руководил отделением военно-психиатрического госпиталя, где работал с солдатами с ПТСР, не сумевшими психологически вернуться с войны. Можно сказать, что весь У. Бион – это радикальное стремление приблизиться непосредственно к живой психической реальности. Как если бы война отменила все условности и сожгла все защиты. У. Бион, который, по собственным словам, больше никогда в жизни не мог радоваться, – это был, образно говоря, отчасти мертвый человек, «с того света» глядящий на этот. Именно такое зрение позволило ему увидеть зарождение жизни в психике на самом первичном, «молекулярном» уровне.

Там же, в госпитале для ветеранов войны, У. Бион впервые исследует бессознательные процессы, влияющие на динамику групп, развивая теорию поля, предложенную ранее британским психоаналитиком Куртом Левиным. Позднее полевое понимание психоаналитического взаимодействия обогатили работы Ж. Политцера, Х. Блехера и супругов Баранже. В настоящее время в павийской школе психоанализа теорию психоаналитического поля продолжают развивать А. Ферро, Д. Чивитарезе и др.

Творение психики: альфа-функция

Одну из революционных идей У. Биона, важную для понимания теории поля, можно сформулировать так: мы видим сны не только когда спим, а в любой момент нашего бытия, то есть и в бодрствующем состоянии тоже. Это соотносится со словами К.Г. Юнга о том, что, если днем мы не видим звезд, это не значит, что их не существует. Просто яркое солнце заслоняет их слабый свет. Образно говоря, видеть (или в терминах Биона сно-видеть от англ. dream-thinking) звезды и луну на светлом дневном небе – это и есть онейрическое или бессознательное мышление наяву по У. Биону.

Центральный элемент концепции онейрического мышления наяву – так называемая альфа-функция. Это неизвестный нам процесс, который воздействует на не переработанные, сырые и мучительные эмоционально-сенсорные переживания – бета-элементы.

Альфа-функция преобразует безличное в субъективное, бета-элементы диффузного психического напряжения – в альфа-элементы: визуальные, слуховые и другие образы, – первичные фрагменты личного смысла, мельчайшие строительные блоки нашей психики – этакий «элементарный алфавит мыслей».

Как можно непосредственно отследить работу альфа-функции? Небольшая виньетка из личного опыта (Наталья Паротикова):

*«Однажды, когда я не могла уснуть, я подумала, что желание ворочаться в постели при бессоннице – это способ справиться с телесным и психическим напряжением, то есть эвакуировать бета-элементы, мешающие уснуть. Тогда я решила провести эксперимент и стать совершенно неподвижной – говоря алхимическим языком, поместила бета-элементы в *vas hermeticum*. И, естественно, как только я замерла, напряжение в теле сразу стало возрастать, но затем через какое-то не очень продолжительное время в моем сознании возник образ быка – что-то вроде античной фрески. Просто картинка, мгновенная вспышка. И все. Но удивительно: одновременно с появлением этого образа напряжение полностью ушло из тела. Я подумала: «Вот оно, бета-элементы превратились в альфа-элементы!»*

Но здесь возникает вопрос: почему именно такой образ? Кто порождает это онейрическое мышление в нашей психике? Кто в нас этот творец сновидений – а, следовательно, и психики в целом, то есть нас самих? Кто творит творца?

Мировая душа: трансцендентная функция и синхрония

Если образно представить себе работу альфа-функции во внутреннем пространстве души, можно увидеть бета-элементы как бездну первозданного

хаоса, над поверхностью которой нечто непостижимое – божественное дыхание – порождает из этого хаоса альфа-элементы, то есть фрагменты смысла – мельчайшие вспышки образов, обрывки фраз (мы можем заметить, как это происходит, непосредственно перед засыпанием, когда сознание приглушено). Это подобно Творению, как оно описано в Книге Бытия: *«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»* [Бытие 1:2] [1]. Можно предположить, что альфа-функция – это фундаментальный акт творения психики из хаотичного до-психического состояния.

В аналитической психологии мы знаем аналогичную по своей сути концепцию – трансцендентную функцию К.Г. Юнга. Согласно предположению Дж. Миллера [6], трансцендентная функция – это ключевая метафора Юнга для психики в целом или для фундаментальной глубинной психической активности между сознанием и бессознательным.

Это также источник большей части всей психологии К.Г. Юнга. Написанная сразу же после конфронтации Юнга с его собственным бессознательным работа о трансцендентной функции в 1916 г. представляла собой попытку дать голос его неопишуемому опыту примирения с неизвестным в бессознательном. В то время, когда Юнг писал оригинальную версию эссе «Трансцендентная функция», он еще не разработал концепции архетипов, Самости, Тени, Анимы/Анимуса, индивидуации и др. Первой для него проявилась трансцендентная функция, теория и практика диалога между сознанием и бессознательным, при помощи которого психика трансформирует себя неким имагинальным образом; все сопутствующие структуры и теории вышли из этой основной предпосылки [6].

Мы видим, что альфа-функция и трансцендентная функция – это, по сути, одно и то же: процессы, в которых психика создает, упорядочивает и интегрирует свой опыт, переводя его из хаоса в осмысленное бытие – только на разных иерархических уровнях. По словам Цвика, моменты срабатывания альфа-функции – это *«микроактивации трансцендентной функции, приводящие к появлению новых образов, мыслей и чувств»* [13]. Таким образом, если альфа-функция У. Биона – это творение из хаоса на микроуровне, то трансцендентная функция К.Г. Юнга действует на уровне личных нарративов (или комплексов), при этом сами эти нарративы состоят из комбинаций первичных альфа- и бета-элементов.

И тот и другой процесс, по сути, представляет порождение нового смысла непостижимым образом, из немислимого, имея в основе архетипы коллективного бессознательного. Появление нового смысла непредсказуемо – или акаузально. Мы никогда не знаем, какой образ нам приснится или возникнет в активном воображении, или, как Золотой скарабей, влетит к нам в комнату через окно.

И далее К.Г. Юнг расширяет этот принцип на весь космос, вводя понятие синхроничности. Согласно Handel (1992) [6] трансцендентная функция проявляется через синхронии. Б. Каструп в книге «Расшифровывающая метафизику Юнга» [5] показывает, что К.Г. Юнг вместе с физиком В. Паули обсуждали гипотезу о том, что явление синхроничности – то есть связь событий не через причины, а через смысл и подобие – работает не только в психике человека, но и во всей природе на квантовом уровне. По предположению К.Г. Юнга, все события в природе связаны через принцип подобия, похожий на то, как мы думаем и выстраиваем ассоциации в своем сознании.

Тогда даже падающий с дерева лист является частью огромной сети связей, где важны не только прямые причины (подул ветер – лист упал), но и более тонкие, смысловые связи с другими событиями. Каузальность (причинность) – лишь видимый локальный контур гораздо более тонких глобальных смысловых паттернов в природе. Вероятно, именно это имел в виду К.Г. Юнг, когда писал, что фундаментально невозможно доказать, что законы природы в действительности основаны на чем-то, полностью отличном от архетипа.

И здесь уместно еще раз вспомнить слова У. Биона: *«Существует некий фундаментальный разум... во всех нас»*. Вероятно, этот фундаментальный разум – *Nous poietikos* (νοῦς ποιητικός), *Intellectus agens*, или китайское Дао, или Огонь Гераклита – есть проявление Мировой души (*Anima Mundi*) в Едином мире (*Unus Mundus*), осознающем и создающем самого себя, и человеческое сознание, по-видимому, играет в этом очень важную роль.

Вот что 40 годами ранее К.Г. Юнг сказал У. Биону во время их встречи в Тавистокке: *«Это похоже на следующее: вы стоите на берегу моря, и волны выносят на берег старую шляпу, старую коробку, ботинок, мертвую рыбу, и вот они лежат на берегу. Вы говорите: “Случайность, ерунда!” Китайский ум задается вопросом: “Что означает то, что эти вещи оказались вместе?”»* И чуть ранее: *«Дао может быть чем угодно. Я использую другое слово, чтобы обозначить это... Я называю это синхроничностью»* [11].

Этика Творения

Итак, по нашему предположению, альфа-функция, трансцендентная функция и синхроничность являются различными проявлениями одного и того же универсального процесса. Все три – это творение смысла в психической (и в конечном итоге физической) реальности.

Но если на всех уровнях, от микрокосма альфа-функции до макрокосма синхроничности, происходит единый процесс – значит его источник тоже един. Очевидно, что этот источник – Самость, парадоксальным образом и уникальная для каждого, и универсальная.

И это единство уникальности и универсальности – точное описание самого аналитического поля: аналитик и анализант – как разные части единого континуума. В некотором (потенциальном) смысле поле и Самость – одно и то же. Анализ – это работа Самости аналитической пары.

Тогда эта работа, ее высокое творчество – совместное творение сознания – становится абсолютным этическим правилом в анализе. Ситуация или действие этичны, если они способствуют развитию сознания, души и человечности, и аналитика, и анализанта.

Можно сказать, что психоанализ У. Биона в большей степени построен на этике сорасположенности аналитика и анализанта, соотнесенности уникальной Самости одного и другого. Назовем это полевой этикой. В то время как юнгианский анализ добавляет к этому этику Самости в ее всеобщем, универсальном смысле, и тогда это – этика Мировой души.

Мальчик с аутизмом – работа через поле

Ирина Мурзина (разрешение на использование клинического материала получено):

«Мы (Крымская республиканская общественная организация родителей детей-инвалидов «РОСТ») работаем с детьми с аутизмом, с множественными и тяжелыми нарушениями: не говорящими, не слышащими или со сниженным слухом, очень плохо двигающимися из-за ДЦП, со сниженным зрением, генетическими заболеваниями. Есть дети с сочетанием аутизма и более глубокого психиатрического нарушения, с сильными истериками, с аутоагрессией, когда дети могут себя царапать, разбивать голову о стены, делать еще какие-то страшные вещи. Это дети, которым довольно сложно воспринимать мир, и очень сложно с ним общаться. Меня всегда удивляло, как мы вообще с такими детьми работаем? Что именно работает в этом случае?

Сначала я думала, что у нас подобралась хорошая команда специалистов: человеколюбивых, которые не обижают детей, которые готовы учиться, поскольку невозможно быть готовым к каждому ребенку, не всегда понятно, что с ребенком делать. Есть методы и методики, которые мы применяем, например, научение глобальному чтению глухонемого ребенка, методы поведенческого анализа, работа с эмоциями и пр. Но всегда было чувство, что это не все, а только часть чего-то более важного, более значимого для всех...

После почти годовых исследований, представленных в этой статье, я понимаю, что здесь работает этическое поле – полевая этика и этика Мировой души вместе. Работает сама этика. Ведь они (этические

принципы) были изначально встроены, вложены в это этическое поле. И оно начало работать уже независимо от чего-то внешнего. У нас поменялись специалисты. Некоторые ушли, кто-то пришел новый. Но сама этическая ситуация работает. И это хорошее пространство, где дети воспринимаются как дети, с возможностью радоваться, с достоинством, и их нарушения, по большому счету, – это всего лишь трудности на пути к чему-то обычному. Просто к жизни. Например, трудность какая-то у ребенка – давайте подумаем, как ее преодолеть, чтобы ему было легче.

В конце лета 2025 года на родительском собрании мама очень сложного ребенка, мальчика с аутизмом, высокофункционального, рассказывала о том, что произошло за год участия в нашем проекте, поддержанном Фондом президентских грантов, «Мамин час» или «Передышка – ТСТ». Мальчик пришел к нам в прошлом сентябре. Он очень плохо говорил, были только слоги. Он немного знал буквы и цифры, и на этом все. Мало того – он истерически кричал, бегал, падал на пол. Сейчас мальчик разговаривает целыми предложениями, поддерживает диалог. У него развивается интравербализация по Скиннеру – то есть он делает надстройку, у него развивается более сложное речевое поведение. Ребенок читает, решает простейшие примеры.

В этом году мальчик смог пойти в школу – в коррекционный класс, но и этого он не смог бы в прежнем состоянии. Все еще остаются истерики, протесты иногда, но сейчас такое поведение снижается. Главное, что он идет к нам с радостью. Он не хотел ходить в садик, но готов ходить к нам.

И я думаю, что это – о принятии, о том, что мы не загоняем детей в некое прокрустово ложе. Конечно, кроме коррекционных занятий, мы их воспитываем – учим мыть руки, убирать за собой чашку, если попил, и пр. И это со-бытие – совместное бытие. Понятно, что всегда есть иерархическая составляющая: называть взрослых по имени и отчеству, слушаться. Но есть и некая равность.

Это то, о чем я всегда мыслила применительно к анализу. Наверное, меня этому научила работа с пациентами в социальном центре. Когда к тебе приходят очень разные люди, они могут быть с очень большими сложностями, с алкоголизацией, с такими вещами, которые мне не удастся помочь им решить. У меня может не быть возможности с ними достаточно долго работать, а у них – возможности приходить. Но есть некая позиция равенства. Я думаю, что эта позиция равенства дает толчок к развитию. Это эмоциональная правда между нами.

Когда мы говорим о равенности, равенстве – это еще и о том, что мы не берем на себя функцию всевидящего, функцию Бога. О том, что человек,

который приходит к нам, гораздо больше, чем мы видим. Когда он уйдет от нас – он уйдет в мир, и мир дальше тоже будет что-то делать с ним. Человек имеет право выбора. И в конце концов, даже если у него будет трагический случай, мы не можем идти с ним туда. Потому что мы не знаем, как должно быть. Иногда можно горевать, что у человека что-то не состоялось, и переживать по поводу своих клиентов – просто как о людях. Это тоже очень человеческая история. Ты не ставишь себя в позицию белого экрана, а сочувствуешь и переживаешь как человек.

Мне кажется, благодаря знакомству с У. Бионом я начала работать по-другому. Я более четко увидела это поле, в котором мы пребываем оба или обе. И в этом поле в действительности – это два совершенно равных человека. С очень разным опытом, какими-то переживаниями – но это другая равность. Мне кажется, это даже не мысль, а некое внутреннее понимание, которое должно срабатывать. Это эмоциональный унисон. И это не про всего человека, а про то, в чем в этом человеке мы можем быть в унисоне, а в чем нет.

Я думаю, сложность профессии аналитика в том, что он должен постоянно воспитывать сам себя и восходить на некий духовный Олимп. Без этого в действительности он не сможет помочь человеку. Это о словах Серафима Саровского: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи». Это очень сложно, в принципе для всех сложно. Аналитику, может быть, вдвойне сложно, потому что у нас есть еще и техники, которые делают возможным пребывать в эмоциональном унисоне и испытывать эмоциональную правду с очень трудными людьми».

Полевая этика в «Зеркале» Андрея Тарковского

Арсений Тарковский

Жизнь, жизнь

*Предчувствиям не верю, и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет:
Бессмертны все. Бессмертно все. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.*

*Живите в доме – и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, -
А стол один и прадеду, и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошел, как сквозь Урал.*

*Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль над степью;
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом, и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стременах.*

*Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.*

1965 г. [8]

«Зеркало» – самое интимное, исповедальное произведение Андрея Тарковского и эстетическая вершина его творчества. В фильме приняли участие родители режиссера: Мария Ивановна Вишнякова сыграла роль пожилой матери главного героя, а Арсений Александрович Тарковский сам прочел свои стихи. Причудливое метафорическое повествование, в котором автобиографические мотивы переплетаются с художественным вымыслом, разворачивается на фоне реальных исторических событий.

«Зеркало» – не просто гениальное художественное произведение, вошедшее в список величайших фильмов в истории мирового кинематографа. Это глубокое метафизическое и этическое высказывание. Вот слова самого Андрея Тарковского о предназначении кинорежиссера: *«Только при наличии собственного взгляда на вещи, становясь своего рода философом, он [режиссер] выступает как художник, а кинематограф как искусство»* [9].

Центральное место в мировоззрении Андрея Тарковского занимает главная линия всей русской философии – традиция всеединства. Синтезируя идеи русских философов (в первую очередь Ф.М. Достоевского и В. Соловьева), а также западных (А. Бергсона, М. Хайдеггера и др.), А. Тарковский создал уникальное мировоззрение, в центре которого стоит духовное развитие и самопознание личности.

По словам известного философа Игоря Евлампиева, человек у Андрея Тарковского *«выступает центром «кристаллизации» всеединства, той точкой, от которой распространяются взаимосвязи, превращающие несовершенное единство в совершенное, причем особое значение для преображения несовершенного мира имеют деяния подлинной любви, созерцательное собирание мира и его смыслов в сознании и жизни личности и, наконец, жертвование себя миру»* [3].

Пролог

Фильм «Зеркало» начинается с пролога, в котором мальчик Игнат, сын главного героя, включает телевизор и видит, как подростка лечат от заикания при помощи гипноза. Сюжет заканчивается обретением юношей способности свободной речи: *«Я могу говорить»*. Вероятно, Тарковский использовал этот образ – обретения речи – для передачи очень глубокого смысла, связывая его с поиском *«божественного Слова»* и с идеей *«сотворения»* личности через высказывание истины о себе самом [3].

Удивительно, гениальная интуиция режиссера воплотила эти смыслы как будто точно по У. Биону – глубокое эмоционально-телесное страдание подростка (заикание) – и освобождение от этого страдания вызывают прямые ассоциации с превращением бета-элементов в альфа-элементы. Последняя фраза врача: *«Если ты сейчас будешь говорить, ты всю жизнь будешь говорить»* – выражает то, к чему и мы стремимся в анализе вместе с анализантом: подлинному высказыванию истины о себе самом, что равносильно способности созидать себя.

Психическая реальность, как она есть

И дальше мы погружаемся в психическую реальность главного героя «Зеркала», которая говорит с нами бесконечно разнообразными способами: словами, жестами, живописью и образами, молчанием, криками, слезами, ветром, водой, землей, красками и их отсутствием.

Рисунок 1 – Кадр из фильма «Зеркало» [4]

Мы становимся соучастниками этого разговора – и зрителями, и слушателями, и говорящими. Аналитиками и анализантами в процессе глубокого диалога: познания себя, Другого и Мира.

Психическая реальность, как она есть – сама по себе, – основной объект внимания Уилфреда Биона, и она может быть как живой, так и мертвой. Бцион считал главной задачей психоанализа избежать омертвления психической жизни. И это касается аналитика в той же мере, что и анализанта. А. Ферро и Д. Чивитарезе в книге «Аналитическое поле и его трансформации» так формулируют путь к этой цели, подчеркивая роль эмоциональной правды в анализе: *«Весь парижский семинар посвящен проблеме того, как трансформировать невидимые эмоции в эмоции, которые можно*

нарисовать, понюхать, попробовать на вкус и потрогать. Цвета, чувства, эмоции, желания: вот лексикон живого опыта. Пациент приходит на анализ либо потому, что он ничего не чувствует и поэтому отрезан от витальной силы своей жизни, либо потому, что его обуревают слишком сильные эмоции, которые каждый раз повергают его в растерянность. В обоих случаях он не способен придать личный смысл тому, что с ним происходит. Правда существования ускользает от него. Не «научная» или рациональная правда, а эмоциональная. Но правда о себе, которую может предложить ему аналитик, даст ему ощущение радости и полноты жизни только в том случае, если она является плодом совместной работы, только если она истекает из сердечного согласия. Как достичь этой правды и как рассказать о ней, что одно и то же, – вот проблема, с которой постоянно сталкивается аналитик» [10].

В полевой этике У. Биона мы – соучастники жизни. Так определяется главная цель полевой этики – избежать омертвления психической жизни анализанта и аналитика. И все в нашем взаимодействии должно быть подчинено этой цели.

У Биона есть для этого особенное выражение: делать психоанализ. Не говорить о нем – даже когда мы говорим. Встречать анализанта на каждой новой сессии – как впервые, «без памяти, желания и понимания» – чтобы не умертвить в самом зачатке то, что хочет проявиться в аналитическом поле. Всячески избегать психоаналитических штампов (мы должны добавить – и юнгианских тоже), чтобы не стать подобными мифическому Прокрусту, обрубавшему ноги и вытягивавшему позвоночники несчастным гостям, с тупой жестокостью подгоняя их под свое страшное прокрустово ложе. У. Бцион приводит похожее наблюдение: «тупость, высокомерие и любопытство» как признак неспособности аналитической пары – именно вдвоем – глубоко, онейрически, мыслить, то есть быть психологически живой.

Дом, в который трудно попасть

Антонино Ферро замечает, «что хотя роли аналитика и анализанта в терапевтических отношениях асимметричны, в действительности, на уровне бессознательного, они практически симметричны» [10]. В текущем времени аналитической сессии мы проживаем в полноте все свое бытие. Со-присутствуем полностью. Именно благодаря этому аналитик может и должен сделать внутреннюю жизнь анализанта реальной. Это и есть – путь к оживлению психики.

Реальной – звучит как парадокс: мы будто бы не верим в существование собственной души, буквально – в свое собственное существование. В случае деперсонализации – это уже клинический симптом, но и обычная

повседневность постоянно уводит нас от самих себя. Это похоже на дом, в который невозможно попасть, в фильме главному герою (альтер-эго самого Андрея Тарковского) он видится во сне. Алексей говорит об этом: *«Мне с удивительной постоянностью снится один и тот же сон; он будто пытается заставить меня непременно вернуться в те до горечи дорогие места, где раньше стоял дом моего деда, в котором я родился сорок с лишним лет тому назад, прямо на обеденном столе, покрытом белой крахмальной скатертью. И каждый раз, когда я хочу войти в него, мне всегда что-то мешает... Мне часто снится этот сон, я привык к этому... И когда я вижу бревенчатые стены, потемневшие от времени, и полуоткрытую дверь в темноту сеней, я уже во сне знаю, что это мне только снится, и непосильная радость омрачается ожиданием пробуждения...»*

Дом детства – как внутренняя, сокровенная жизнь, жизнь в вечности, бесконечно разворачивающаяся во времени: так архетип Самости воплощается в нас бесчисленными актами самопознания. Самость становится реальностью – внешней и внутренней. Как говорит Б. Каструп, наша психическая внутренняя жизнь – это не побочный продукт, а то, что действительно имеет значение. То есть жизнь – это не коллекционирование обуви, машин, домов или одежды, это – коллекционирование озарений [5].

Мистерии обыденной жизни. Эмоциональная правда

Человек приходит к нам в своей обыденной жизни, из рутины. И мы приходим к нему из рутины. И вот она – Встреча. Но разве каждый раз это – на мосту вечности, в мистическом единении? Конъюнкция – это глубокое слияние психик аналитика и анализанта, пиковое переживание, которое не может происходить на каждой сессии, но является важным моментом в развитии психоаналитического процесса.

В чем же ответственность аналитика? Не в том ли, чтобы в профанном видеть и показывать сакральное? Потому что человек – это всегда сакральное. И всегда – профанное. Обеспечить связь профанного и сакрального – вот в чем ответственность аналитика. Это создаваемая или открываемая им мистерия обыденной жизни. Только та жизнь, которая через озарение обнаруживает свой исток в вечном, сакральном – действительно реальна. Проходя путем самопознания в совместном бытии в кабинете с аналитиком, анализант обретает способность быть внимательным к этой стороне себя, Другого и мира. Он обретает способность жить Жизнь (с заглавной буквы) – и это то, о чем говорит К.Г. Юнг: *«Для человека основной вопрос в том, имеет ли он отношение к бесконечности или нет?»* [12].

Рисунок 2 – Кадр из фильма «Зеркало» [4]

Эпизод с мальчиком Асафьевым и военруком в фильме «Зеркало» – центральный в идейном и сюжетном плане. Эпизод построен на противостоянии военрука и мальчика Асафьева, блокадного ребенка, которое изначально выглядит как странное непонимание. Асафьев не понимает команды военрука, такие как *«Кругом!»* или *«На огневую позицию шагом марш!»*, трактуя их буквально или задавая уточняющие вопросы. Это непонимание символизирует конфликт между божественным Словом, соответствующим истинной сущности вещей, и «адским» словом, которое механистично, формально и убивает смысл.

Мальчик ставит военрука перед предельным выбором: либо гибель детей, либо самопожертвование ради них. Военрук, не колеблясь, выбирает самопожертвование, бросаясь на гранату, брошенную Асафьевым, и накрывая ее своим телом, чтобы спасти учеников.

В оглушительной тишине, отмеряемой ударами сердца военрука, Асафьев произносит: *«Она же учебная»*. Происходит «воскрешение и преображение»: военрук, а затем и ученики, поднимаются, словно воскреснув из мертвых. Этот акт добровольной жертвы свидетельствует о том, что под

броней «адского» слова скрывалась личность, способная на деяние, освященное примером Иисуса Христа, в душе которой молчаливо звучит божественное Слово.

Один из самых запоминающихся и многозначных образов эпизода – это маленькая птица, которая медленными толчками влетает в кадр и садится на голову Асафьева, а мальчик поднимает руку и берет ее. Эта сцена снята рапидом и сопровождается нарастающим звуковым ритмом, что придает ей характер мистерии и перехода в сферу вечности. Птица символизирует зависимость бытия от человека, его готовность «отдаться» человеку и «служить» ему, а также «жажду» бытия к преобразению через человека.

Душа всегда требует наивысшего и глубочайшего – полной отдачи. У Биона это выражено в идее истины и влечения к истине. И это побуждение к достижению все большей и большей степени эмоциональной сонастроенности с Другим, поиск этой особой сонастроенности. Альфа-функция начинает работать в результате сорасположенности психик двух людей, при достижении эмоционального унисона аналитика с анализантом (матери с младенцем). Явления синхронии также всегда сопровождаются высоким эмоциональным подъемом (вдохновением). С кем или с чем тогда возникает этот эмоциональный унисон?

Но этот же самый вопрос можно развернуть и обратно – что такое эмоциональный унисон, что внутри нас звучит в унисон? Очевидно, что и в случае пары аналитик- анализант, и в случае синхроничности, то есть пары анализант-Мировая душа, в унисон вступает Самость. Самость и есть источник этики. Если человек хочет украсть, например, или еще как-то поступить против совести (даже если он ее не слышит в себе) – в этом случае ни о каком эмоциональном унисоне речи быть не может, аналитик не может достичь унисона с человеком, идущим против совести, глубинной человеческой этики, против человечности самой по себе (человечности по отношению к себе и к другому). То есть сам этот эмоциональный унисон, порождающий альфа-функцию, обладает совершенно определенным этическим качеством, который чувствуется всеми участниками.

У. Бион – приверженец истины и любви. Потому что только это может реанимировать убитую войной психику – возрождение может начаться из самой сердцевины, из глубочайшего корня личности, который уходит в коллективное бессознательное, в глубинную человечность – в образ Антропоса-Христа, в Самость. Об этом – радикальные слова позднего У. Биона: *«Это означает, что понимание пациента и идентификация с ним, которые до сих пор считались достаточными, должны быть заменены чем-то совершенно иным. Трансформация в К (то есть в знание) должна быть заменена трансформацией в О... Должна быть математика единения, а не идентификации... С этим [О] он [психоаналитик] должен быть един» [2].*

Добровольная жертва

Для того чтобы человек открыл в себе эту подлинную духовную глубину, ему нужно соотнестись с другим человеком. Например, в любви. Или в терапии, которая есть любовь, как утверждает в книге «Психоанализ модерн» Д. Рождественский [7]. Эта любовь жертвенна.

О добровольной жертве в анализе можно помыслить так: материнская любовь – растящая и питающая (трансформирующая через поддержку) и поэтому самоотверженная, жертвенная. Но детская любовь не менее жертвенная – и оттого еще более трансформирующая, потому что эта любовь иницирующая. Слабость и зависимость ребенка (анализанта) – это самая большая сила и поступок: отвага стать уязвимым, рискнуть самим собой (своей психикой и самой жизнью в итоге), чтобы вызвать взаимный рост в паре родитель-ребенок (аналитик-анализант).

Для роста жертва должна стать обоюдной. При этом обоюдность – это не «ты мне – я тебе». Когда к нам приходит любовь к другому человеку – это требование к нему, требование жертвы. И то же самое, когда к нам приходит анализант. Любовь дает нам дар, который нужно вернуть, возможно, другому человеку. Так любовь проходит сквозь нас, преобразуя мир.

Рисунок 3 – Кадр из фильма «Зеркало» [4]

В фильме «Зеркало» есть сцена (рисунок 3), где мать Алексея, Мария Николаевна, неподвижно парит над своей кроватью в метафизическом пространстве – это происходит после акта жертвы (убийство петуха ради сына, что становится для нее «сверхземным» испытанием).

Этот образ символизирует открытие «мира вечности», прозрение вечной основы ее личности, ее безграничной и таинственной любви к отцу Алексея. Здесь любовь, хоть и могущественна, проявляется на фоне разрыва и отчуждения.

В последнем фильме А. Тарковского «Жертвоприношение» сцена парения в воздухе приобретает иное значение. Главный герой Александр и служанка Мария, соединившиеся в любовном акте, воспаряют над постелью.

Это единственное сверхъестественное событие, наглядно показанное в фильме. Здесь образ парения символизирует мистическую трансформацию реальности через акт любви, способный исправить глубокое несовершенство мирового бытия. Это выражение великой надежды, что радикальные усилия людей, готовых на абсолютное самопожертвование и абсолютную веру, могут отвратить катастрофу и преобразовать мир.

Этика Мировой Души

Центральный эпизод фильма – кадры кинохроники (см. ниже рисунок 4), где солдаты, как коллективный Христос, идут по воде. Они символизируют огромный подвиг человечества, которое все равно продолжает идти, несмотря на страшные моменты мировой истории. Это квинтэссенция всего философского высказывания «Зеркала».

К.Г. Юнг считал, что человеческое воображение создает сны и фантазии, которые могут оживлять внутренний и внешний миры современных людей. Этот оживляющий дух, Мировая душа, находится в каждом человеке, и все люди содержат в себе вечность. При этом К.Г. Юнг отмечал, что форма, в которой проявляется Мировая душа, может варьироваться в зависимости от культуры или индивида и имеет тенденцию меняться в разные исторические периоды. Тогда еще одно этическое условие терапевтического процесса – это унисон внутренней жизни человека с Мировой душой (Духом глубин), потому что каждый момент, прожитый в унисон, вносит порядок в хаос и созидает психику, открывает в человеке подлинную духовную природу.

В анализе процесс порождения психики есть прямое следствие отношений: в кабинете и за его пределами. Отношений, с обеих сторон уходящих далеко за спины – и анализанта (и обычно наш взгляд направлен именно туда), но и аналитика (а вот это осознается нами, пожалуй, с большим трудом) – в глубину обеих личностей, их семей, родовых систем, а далее – и

Рисунок 4 – Кадр из фильма «Зеркало» [4]

Родины, и всего человечества. Во всеединство – как это формулирует главная русская философская традиция.

Давайте посмотрим внимательно на эту грандиозную картину отношений, или эмоциональных связей, двоих людей в аналитическом кабинете – связей невидимых, но невероятно прочных, уходящих сквозь личную судьбу вглубь, и замыкающихся где-то в коллективной истории человечества! Здесь мы с юнгианской стороны подходим к пониманию поля у У. Биона. Нет отдельного человека, каждый из нас – часть единого континуума, локус в общей протяженности протоэмоционального сенсорияльного опыта. К.Г. Юнг говорит об этом так: *«Оба – и аналитик, и анализант – садятся в одну и ту же горячую ванну»* [11]. У. Бцион называет это обжигающее состояние бета-элементами.

Когда из позиции аналитика наблюдаешь жизни многих людей, связанных между собой только через тебя, но не знающих об этой связи, видишь целые узоры судеб, волны и созвездия. И начинаешь совершенно иначе относиться ко всему, что происходит, понимать коллективное бессознательное иначе, наблюдая процессы в этом поле, ощущая каждого как часть себя, и всех – как Единое, связанное с чем-то более глубоким, чем просто внешняя реальность отдельных Эго. Уникальная привилегия – проживать на

глубоком уровне вместе с другими их жизни имеет, помимо прочего, редчайшее преимущество – шанс увидеть жизнь Бога в людях, крохотный фрагмент Его бытия через линзу аналитической работы.

Через эту глубину мы все связаны. И человек не может быть один, он никогда не бывает один. Он всегда в целой сети, в целой семье – если у него есть стремление к этой глубине. Если он – в центре своего существа – искренне, с верой, со всей страстью человеческого сердца желает, чтобы жизнь продолжалась через него, через других людей, и чтобы высокий смысл нашего существования в этом мире вновь и вновь побеждал смерть.

Орфей и Эвридика

Мы хотим закончить наше размышление об этике в анализе стихотворением Арсения Тарковского «Эвридика» [8]. Имя Эвридика происходит от древнегреческого «Εὐρυδική» (Eurydikē), что означает «истинное суждение» или «глубокое суждение». Эвридика – жена легендарного Орфея, погибшая от укуса ядовитой змеи в лесу. Орфей, чтобы вернуть любимую, спустился в царство Аида и своей музыкой растрогал богов, которые согласились отдать Эвридику при условии, что он не взглянет на нее до выхода на свет. Орфей не смог сдержать себя и обернулся, потеряв Эвридику навсегда.

История Орфея и Эвридики, Логоса и Эроса, – символ человеческого стремления к единству через Слово. И вечного риска его утратить. Истина – как Эвридика – возрождается не в зримом, а в сокровенном диалоге. Путь через границу миров – от альфа-функции У. Биона к трансцендентной функции и синхронии К.Г. Юнга – это речь, которая становится мостом между «я», «Ты» и Миром. И роль человека в эволюции Мировой души – говорить: от сердца к сердцу, из Самости – в Самость.

Эвридика Арсений Тарковский

*У человека тело
Одно, как одиночка,
Душе осточертела
Сплошная оболочка
С ушами и глазами
Величиной в пятак
И кожей – шрам на шраме,
Надетой на костяк.*

*Летит сквозь роговицу
В небесную криницу,
На ледяную спицу,
На птичью колесницу
И слышит сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.*

*Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, -
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
Загадка без разгадки:
Кто возвратится вспять,
Сплясав на той площадке,
Где некому плясать?*

*И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,
Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле,
На память гроздь сирени
Оставив на столе.*

*Дитя, беги, не сетуй
Над Эвридикой бедной
И палочкой по свету
Гони свой обруч медный,
Пока хоть в четверть слуха
В ответ на каждый шаг
И весело, и сухо
Земля шумит в ушах.*

Список использованной литературы

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / [пер. с древнегреч. и др.]. – Москва: Эксмо, 2025.
2. Бион У. Р. Внимание и интерпретация: научный подход к инсайту в психоанализе и групповой работе / У. Р. Бион; [пер. с англ. Д. Селиванова]. – Москва: Beta2Alpha, 2023.
3. Евлампиев И. И. Художественная философия Андрея Тарковского / И. И. Евлампиев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Уфа: ARC, 2012.
4. Зеркало: художественный фильм / авторы сценария: А. Мишарин, А. Тарковский; режиссер-постановщик А. Тарковский; оператор-постановщик Г. Рерберг; художник-постановщик Н. Двигубский, Н. Фомина (костюмы); композитор Э. Артемьев; в ролях: М. Терехова, О. Янковский, Ф. Янковский, М. Вишнякова, А.А. Тарковский, И. Смоктуновский, А. Солоницын [и др.]; киностудия «Мосфильм». – Москва, 1974.
5. Каструп Б. Расшифровывая метафизику Юнга / Б. Каструп. – Москва: Касталия, 2021.
6. Миллер Дж. Трансцендентная функция: юнгианская модель психологического роста путем диалога с бессознательным / Дж. Миллер. – Москва: Клуб Касталия, 2014.
7. Рождественский Д. С. Психоанализ модерн (субъект-ориентированный подход) / Д. С. Рождественский. – Ижевск: ERGO, 2017.
8. Тарковский А. А. Стихи разных лет: стихи / А. А. Тарковский. – М.: Современник, 1983.
9. Тарковский А. А. мл. Запечатленное время / А. А. Тарковский. – Москва: Международный Институт имени Андрея Тарковского, 2024.
10. Ферро А. Аналитическое поле и его трансформации / А. Ферро, Д. Чивитарезе; [пер. с итал. Ю. Пыльциной]. – Москва: Beta2Alpha, 2024.
11. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции / К. Г. Юнг. – Москва: ИОИ, 2020.
12. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К. Г. Юнг. – Москва: Харвест, 2003.
13. Winborn M. Jung and Bion: Intersecting Vertices / M. Winborn // Re-Encountering Jung: Analytical Psychology and Contemporary Psychoanalysis / Ed. by R. S. Brown. – Routledge, 2017. – P. 85–111.
14. Souter K. M. The war memoirs: some origins of the thought of W. R. Bion / K. M. Souter // The International Journal of Psychoanalysis. – Vol. 90, no. 4. – London: Institute of Psychoanalysis, 2009.

Куракина Наталья Леонидовна

*Аналитический психолог
Член ААП
Кандидат тренинговой
программы ААП
Супервизор ЕКПП
Обучающий аналитик ЕАРПП
г. Самара, Россия
kurakina.ps@mail.ru*

Аналитическая концепция симметричной активности в отношениях «Мать и дитя», как условие для развития этики осознанного и ответственного выбора

Аннотация

В современных психоаналитических концепциях, основная тяжесть ответственности за развитие часто смещается на мать, что делает ее всемогущественной, а ребенок начинает восприниматься неспособным ничего поделать с негативными реакциями матери или ее нечувствительностью к нему. При таком одностороннем подходе родительский объект видится главным побудителем активности младенца, а ребенок рассматривается пассивным и полностью зависимым от реакций матери. Тенденцию делегировать ответственность за свои переживания и выбор на внешний объект, мы часто наблюдаем у своих анализантов, как сопротивление в развитии.

Принимая во внимание концепцию Самости Юнга, где ребенок равнозначен Божественному дитя, то есть Самости, и, значит, владеет определенной психической активностью, опираясь на работы М. Фордхама,

М. Кляйн и Д. Винникотта, мы получаем более точную объяснительную модель взаимоотношений, основанную на представлении о симметричной активности между матерью и младенцем. В этом случае появляется ребенок со своей активностью, своими способами реагирования на внешние ситуации, и мать начинает восприниматься, как образ мира, той реальности, к которой он может адаптироваться.

Работа аналитика с переносом и контрпереносом запускает процесс симметричного реагирования между двумя людьми, осознанное переживание взаимоотношений постепенно формирует у человека этику ответственности за свои реакции и действия. Две клинические виньетки, предложенные в докладе, иллюстрирующие симметрию в отношении матери и дитя, отражают момент ответственного выбора.

Ключевые слова

Юнг, Фордхам, Винникотт, Кляйн, аналитическая психология, Самость, этика выбора, симметричная активность, перенос, контрперенос.

В современных психоаналитических концепциях, основная тяжесть ответственности за развитие часто смещается на мать, что делает ее всемогущей и пугающей, а ребенок воспринимается неспособным ничего поделать с негативными реакциями матери, ее деструктивными нападками или нечувствительностью к нему, он рассматривается пассивным и полностью зависимым от реакций матери. Этот односторонний подход в отношениях «Мать и Дитя» приводит к усилению фиксации на внешнем, контролирующем объекте, ребенок начинает отслеживать реакции матери, бессознательно видя в них причину своих страданий.

Подобный подход становится основой для формирования неравных, взаимно контролирующих отношений, где один всезнающий и всемогущий, а другой беспомощный и обслуживающий, к этике «начальник – подчиненный». Тогда психоаналитическая работа начинает центрироваться на переживаниях ранних отношений младенца с матерью, где родительский объект рассматривается главным побудителем активности младенца, а ребенок – склонным делегировать ответственность за свои переживания и выбор на внешний объект.

Концепция К.Г. Юнга, опирающаяся на идею целостности, ставит под сомнения этот односторонний взгляд. У К.Г. Юнга ребенок равнозначен «Божественному дитя», то есть Самости [5], а, значит, ребенок владеет

определенной психической активностью, присущей Самости, он рождается с архетипическим потенциалом и может развивать довольно сложные архетипические процессы, взаимодействуя частями себя без обращения за помощью к функционированию Эго. Самость организует весь процесс взаимодействия, который центрирует личность, запускает процесс развития и требует активности со стороны ребенка [4].

Принимая во внимание концепцию Самости К.Г. Юнга, мы получаем более точную объяснительную модель взаимоотношений, основанную на представлении о симметричной активности между матерью и младенцем. В этом случае появляется ребенок со своей активностью, своими способами реагирования на внешние ситуации, мать начинает восприниматься, как образ мира, той реальности, с которой ребенку нужно познакомиться и, к которой он может адаптироваться. Кризис раннего возраста может рассматриваться, как момент встречи с реальностью, а аналитическая работа центрируется на защитных реакциях и формах поведения, которые выработал человек в ходе адаптации к внешним условиям. Такой подход в работе приводит к тому, что ответственность за развитие постепенно адресуется человеку, формируется основа взрослой морали, которая со временем может уравновесить мораль всемогущего эгоцентризма.

Теоретическая часть

Друг и ученик К.Г. Юнга М. Фордхам предложил свой подход к детской психотерапии, который сложился на стыке концепций К.Г. Юнга, З. Фрейда и М. Кляйн. М. Фордхам не исключал, что в ребенке есть много того, что является результатом его идентификации с родителями, он был убежден в том, что ребенок с раннего детства способен делать выбор в пользу определенного поведения и способа реагирования. Наблюдая за детьми, М. Фордхам выделил три важных момента [4]:

1. Если родители оставляли ребенка в покое, то он мог сам вылечиться от последствий влияния на него родителей, а в ситуации длительной работы, мог выздоравливать без изменений в его родителях.

2. Архетипический материал, собранный в ходе наблюдения, не создавал опасных эффектов и отражал развитие сознания ребенка, похожее на архетипическое действие у взрослых.

3. Обнаруженный символический материал отражал процесс, который можно сравнить с процессом роста Эго у взрослого человека, что соотносится с концепцией Самости у К.Г. Юнга. Кроме этого, он отмечал, что дети способны развивать перенос на своих терапевтов, развивать довольно сложные архетипические процессы.

Опираясь на идею К.Г. Юнга о перспективной функции психики,

ведущей свое развитие по возрастающей сложности и интегративности, М. Фордхам предлагает идею «деинтеграции и интеграции». Он отмечает, что состояние мистического соучастия запускает активность со стороны младенца, его активная самость деинтегрируется, и ребенок как бы вырастает из бессознательного в сознание. Когда ребенок бодрствует, вступает в контакт с матерью или проявляет собственную активность, развивается деинтеграция; когда засыпает, включается интегративный процесс. М. Фордхам отмечал, что в начале деинтегратаы приобретают архетипические характеристики, которые по своей природе более примитивны, чем мифы, они делятся на «хорошие» и «плохие», Эго еще недостаточно развито, оно не может отделить архетипические объекты от реальных. Опираясь на концепцию биологов о врожденных механизмах освобождения, М. Фордхам предположил, что эти врожденные механизмы являются основой, на которой развиваются или созревают архетипические формы. Эти зародышевые выражения в воображении более галлюцинаторны, чем реальны, но они отражают потребности младенца [4].

М. Фордхам дискутирует с коллегами по вопросу состояния слияния ребенка с матерью и утверждает, что Самость ребенка лежит вне архетипов и Эго. Он отмечает, что уже во внутриутробной жизни, эмбрион с самого начала отделен от матери и содержит гены отца и матери. Плод окружен клеточной мембраной, из которой позже образуется кожа – граница между матерью и младенцем, и через пуповину развивается система химических взаимодействий между матерью и младенцем.

Сегодня мы имеем возможность наблюдать развитие моторных и сенсорных навыков во внутриутробном периоде жизни плода и после его рождения мы видим, что младенец без предварительного обучения способен к сложным, подражательным действиям. Поведенческие навыки младенца можно понять, как результат его взаимодействия с матерью. Движения, крик и взгляд ребенка связан с эмоциональными реакциями мамы, он побуждает ее откликаться и удовлетворять его потребности, мы можем наблюдать переживание ребенком чувства удовлетворения, радости или гнева.

М. Фордхам полагает, что идея о слиянии, которая подразумевает продолжительное состояние райского наслаждения, является идеализированной фантазией человека. Его наблюдения за детьми подтверждают идею К.Г. Юнга о том, что ребенок обладает собственной Самостью, отдельной от его матери, их эмоциональные отношения не только взаимные, но и, в значительной степени, индивидуальные, это состояние эмоциональной связанности с годами будет постоянно увеличиваться.

Аналитические психологи и психотерапевты, работающие с переносом и контрпереносом знают, что взаимность откликов и реакций на раннем этапе развития является благоприятной основой для формирования психики

ребенка. Опираясь в своей работе на перенос и контрперенос, своевременно и адекватно откликаясь на переживания анализанта, поддерживая его на пути развития, аналитик создает ситуацию, в которой человек получает возможность самостоятельно найти выход из сложной жизненной ситуации и взять на себя ответственность за свои реакции и действия. В процессе анализа у него формируется навык осознанности в отношениях с окружающими людьми, как основа этики новых взаимоотношений.

М. Кляйн в своей работе «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» впервые сформулировала гипотезу относительно ранних тревог и механизмов защиты у младенца. Она утверждала, что объектные отношения существуют с самого начала жизни, и первым объектом становится материнская грудь, которую психика ребенка расщепляет на хорошую и плохую, что приводит к разделению аффектов на любовь и ненависть. С этого момента эго младенца начинает развивать специфические защитные механизмы, интроекция и проекция способствует формированию объектных отношений. Синтез любимых и ненавистных аспектов целостного объекта приводит к различным переживаниям, развивает эмоциональную и интеллектуальную жизнь младенца, формирует структуру эго [3].

Идея М. Кляйн о проективной идентификации, ее наблюдения за детьми раскрывают нам всю сложность работы ранней психики младенца с целью его развития. Она отмечала, что проективная идентификация автоматически осуществляется в обоих направлениях, это несознательный процесс, обмен протекает по каналам коммуникации, которые недоступны непосредственному контролю, это живые и спонтанные отношения [2].

Сегодня мы знаем, что мать не является единственной причиной стрессов ребенка, более того, мать в значительной степени также зависима не только от реакций ребенка, но и от влияния окружающей среды. Мы можем говорить о том, что мать должна быть «достаточно хорошей», реакции и поведение которой способствуют росту самосознания ребенка [1].

Процесс взаимодействия между матерью и ребенком хорошо описал в своей работе «Мать и Дитя» Д. Винникотт. Он отмечал, что способность матери эмпатически включаться под влиянием ребенка, принимать на себя его аффекты, собирать и контейнировать их, приводит к трансформации незрелых аффектов в психические акты, что способствует психическому росту ребенка, а взаимодействия между матерью и ребенком становятся реальностью.

В главе «Врожденная мораль младенца» той же работы Д. Винникотт отметил, что у каждого младенца на начальной стадии уже есть стремление к морали, свое понимание хорошего или плохого и со временем, его мораль сталкивается с моралью взрослых. Он так писал об этом: *«Надо понимать, что маленькие дети обладают яростной и строгой моралью, задача взрослого уловить эту примитивную мораль и постепенно приспособить ее к*

человеческому пониманию, которое приводит человека к зрелости» [1, с.312].

«Младенец, – пишет Д. Винникотт, – с рождения создает в себе идею матери, и эта внутренняя мать такое же человеческое существо, как и младенец со своими стандартами этики. Со временем ребенку придется либо принять стандарты, либо восстать против них» [1, с.307].

Д. Винникотт был убежден, что у человека существуют врожденные тенденции к развитию. Мать, чувственно откликаясь на потребности ребенка, помогает ему встретиться с реальностью и сформировать свой внутренний мир. По мере развития ребенка мать постепенно освобождается от того, чтобы быть предельно чувствительной с ним, и ребенок учится грезить о любящей матери, начинает справляться со своими инстинктами, самостоятельно трансформировать их в психическое. Так, постепенно внутри человеческого существа начинается цивилизация [1].

Клинические наблюдения

На начальной стадии анализа анализант часто приносит аналитику страх и ненависть на родительский объект, переживание себя зависимым, беспомощным и неспособным самостоятельно разрешит кризис развития. Аналитик слышит от него жалобы на неспособность окружающих людей быть эмоционально отзывчивыми и чувствительными к его проблемам, он сетует на мир за его изменчивость и постоянно занят поиском виноватого. В контрпереносе аналитик может чувствовать, что такой человек бессознательно ожидает от него подсказки, не планирует самостоятельно решать свои проблемы и не знает, что такое настоящая ответственность. Анализ переноса и контрпереноса помогает аналитику ориентироваться в запросах анализанта и спонтанно, адекватно на них реагировать.

Две клинические виньетки, предложенные в докладе, иллюстрируют симметричность реакций в отношении матери и дитя на основе проективной идентификации, и отражают конфликт между эгоцентричной моралью младенца и взрослой этикой на стадии мистического соучастия.

Первая клиническая виньетка

Ольга, замужняя женщина 43 лет, переживала сильные негативные чувства во время профессионального диалога, ее раздражало, что ее собеседник не мыслит так же рационально, как она. Женщине не удавалось убедить человека в своей правоте и приходилось быть жесткой и категоричной. В такие моменты Ольга ощущала себя ущербной, беспомощной, испытывала страх перед незнакомым человеком, начинала теряться в разговоре и чувствовала сильный стыд за свою неуверенность, ей

казалось, что она выглядит глупо. Женщина сообщила, что последнее время она по ночам стала испытывать сильное сердцебиение.

На сессиях Ольга была всегда напряжена, в контрпереносе чувствовался ее контролирующий взгляд. Рассказывая свой случай на работе, женщина сетовала, что ей не удалось сохранить эмоциональное равновесие, она сорвалась, была в гневе, и профессиональный вопрос не разрешился. Ольга чувствовала себя неспособной что-либо изменить. Это переживание напомнило ей отношения с мамой.

Ольга купила себе квартиру рядом с маминной потому, что мама может в любой момент дня или ночи позвонит ей и потребовать от дочери, чтобы та немедленно приехала к ней и удовлетворила ее просьбу, отказать было невозможно. Клиентка сказала, что разговор с мамой происходит на повышенных тонах, она всегда получает от нее порцию оскорблений и обвинений, во время диалога испытывает много ярости и сильный страх, она не может остановить этот диалог, выйти из отношений, в которых ей невозможно дышать – у нее нет выбора.

Я чувствовала, что Ольга действительно не может отказать матери в удовлетворении ее безрассудных потребностях, диалог между двумя женщинами наполнен ненавистью, виной и страхом. Эмоциональная сцепка между ними напомнила мне жесткую сцепку между двумя трамваями, где один прикреплен к другому металлической трубой потому, что второй не может самостоятельно передвигаться. Я думала о том, что эгоцентричная младенческая мораль, связывающая отношения матери и дочери, является той металлической трубой, удерживающей двух женщин на стадии мистического соучастия, глубинную природу которой Ольга не осознает.

Мы видим, что взаимоотношения между матерью и дочерью организуются архетипически, без участия Эго. Ольга находится во власти негативного материнского комплекса, который развернулся в аналитическом пространстве с первых сессий. В контрпереносе я понимала, что мне предлагалось быть тем беспомощным ребенком, который должен удовлетворять любые требования женщины.

Через несколько сессий Ольга сообщила, что приняла решение уйти из отдела, где начальником была женщина, которая, по ее словам, выкручивала ей руки, и перейти на работу в частную фирму под руководство мужчины. Она знала, что этот человек категоричный и жесткий, но она была готова терпеть его давление ради высокого заработка. Ольга полагала, что она сделала выбор в сторону независимости, я же подумала о том, что ей придется встретиться со своей Тенью. Через несколько сессий мы завершили работу, Ольга поблагодарила меня и разрешила мне включить в свой доклад историю ее отношений с мамой.

Когда эгоцентричная мораль является общей как для ребенка, так и для

матери, незрелое Эго младенца не встречается со взрослой этикой, моральный конфликт не разрешается, оба человека оказываются во власти примитивной морали, что не способствует психическому росту обоих.

Вторая клиническая виньетка

Ирина, замужняя женщина 36 лет, у нее есть 7-летний сын, обратилась по рекомендации психиатра. Женщина год назад попала в автомобильную аварию, пережила сильный страх смерти, с того момента она постоянно испытывает тревогу, впадает в депрессию, временами может лежать целыми днями и не хочет что-либо делать, приступы панической атаки возвращают ее к ситуации аварии. На сессиях Ирина пытается подавить свои слезы, в контрпереносе ощущается сильное недоверие к аналитической ситуации, женщина боится, что аналитик будет ее ругать за проявление слабости.

Постепенно обозначился конфликт дочери с матерью, который выразился через историю с сыном. Ирина ругала себя за то, что выпускной у сына в детском саду не состоялся по ее вине, она полагала, что этот важный момент перехода на новый этап жизни должен переживаться, как праздник. Я чувствовала, что ее «горевание» не связано с реальной ситуацией, ее сын жил в ожидании поездки на море. У меня сложилось впечатление, что женщина мыслит момент перехода, взросления как праздник, который, видимо, у нее не состоялся, скорей всего для нее это была личная авария, в которой она застряла.

Вспоминая аварию, Ирина рассказала, что во время движения она думала о сыне и не смогла увернуться от столкновения с другой машиной, за рулем которой сидела женщина, спешащая в больницу за лекарством для сына, Ирине пришлось выехать на встречную полосу и столкнуться с другой машиной, за рулем которой сидел мужчина. Вспоминая свое переживание страха смерти, женщина рассказала, что во время движения была чрезмерно тревожна и так же не в реальности, как и другая женщина. У меня мелькнула мысль о том, что она столкнулась со своей тревожностью, своей Тенью. Ирина поняла, что в этот момент она не владела реальной ситуацией и не могла по-настоящему нести ответственность за свою жизнь.

Тему аварии женщина связала с рождением брата, который появился в ее жизни, когда ей было 6 лет. Радостное переживание этого момента омрачилось чрезмерной тревогой и суетливой активностью мамы. Она вспомнила, когда брат плакал, мама сильно его трясла, это вызвало у Ирины страх за брата, она подумала о том, что маме нельзя доверять ребенка. Когда Ирина родила сына, она не позволила маме взять его на руки, у нее возникла мысль, что мама может его похитить.

В контрпереносе чувствовался бдительный взгляд женщины, ее

недоверие ко мне, страх и ярость, было ощущение, что она готова в любой момент встать и уйти. Размышляя над контрпереносом, я предположила, что эмоциональное содержание «аварии», которая произошла на раннем этапе развития Ирины, стало доступным для проработки в аналитическом процессе. После обсуждения негативного переноса Ирина почувствовала боль в теле и вспомнила, как в раннем детстве ей приходилось дома все время ходить на цыпочках, потому что папа спал днем, а плакать надо было неслышно.

Размышляя о материнском комплексе Ирины, я проводила параллель с ее реальной аварией, которая символически отражала содержание личной «аварии» при переходе во взрослую жизнь. Запрет на проявление активности и чувствования в присутствии спящего отца, отражает запрет мамы на встречу ребенка с реальностью, на взросление. Образ спящего отца может символизировать погруженность Эго в материнский комплекс и неспособность женщины тестировать реальность, что и привело к реальной аварии.

Ирина поняла, что она как мама находится в состоянии чрезмерной тревоги и суеты, накручивает себя и в такие моменты перестает замечать окружающих людей. Через полгода работы с гневом и страхом Ирина забеременела, ей пришлось отказаться от препаратов, осознавая свое сопротивление к развитию, она решила продолжить анализ. Два коротких сновидения отразили аналитический процесс и его перспективы:

В первом сне женщина видит ребенка, который находится в ней, и врачи убеждают ее рожать сейчас. Ирина понимает, что у них есть опыт, но она чувствует, что поступать надо по-другому, она сомневается.

Во втором сне Ирина едет в троллейбусе на вокзал, он останавливается на остановке, движение одностороннее, асфальт снят, его меняют, женщина думает о том, что надо ехать дальше, разговаривает об этом с кем-то и узнает, что троллейбус едет на вокзал.

Рассуждая о первом сне, Ирина сказала, что понимает профессионализм врачей, они знают многое, но бывают моменты, когда ей надо самой принимать решения. Вспоминая свою маму, она добавила, что ей всегда надо было быстро и сейчас, а Ирине сейчас торопиться нельзя, надо доносить своего ребенка.

У Ирины проявилась чувственная функция, она готова прислушиваться к своим ощущениям и переживаниям, делать выбор на их основе. Безусловный авторитет материнского комплекса пошатнулся.

Женщина рассказала, как она саботировала мамины требования и мои

интерпретации в начале анализа: она в них не вникала, но, когда поняла, что они ее успокаивают, стала прислушиваться и вспоминать их содержание. Я подумала, что сопротивление к развитию будет снижаться, мы продолжим двигаться туда, куда запланировала Самость анализантки.

Обобщение

Две клинические виньетки иллюстрируют симметричность реакций в отношениях матери и дитя на основе проективной идентификации и столкновение ранней эгоцентричной морали младенца со взрослой этикой на стадии мистического соучастия.

В первом клиническом случае мы видим архетипическую форму спонтанных взаимных реакций, фиксацию на стадии мистического соучастия и всемогущества, на примитивной морали эгоцентричного младенца, без участия Эго анализантки. На примере второго клинического материала мы наблюдаем более поздний этап развития, когда конфликт эгоцентричной морали и взрослой этики уже обозначился, но не получил поддержки со стороны родителей.

Этика анализа, основанная на переносе и контрпереносе, создает ситуацию безопасного перехода во взрослую и ответственную жизнь. Видимо, понимание сакрального значения перехода, утраченное современным обществом, пока доступно только аналитикам.

Список использованной литературы

1. Винникотт Д. Мать и Дитя. – Екатеринбург: Литур, 2004.
2. Кляйн. М. Детский психоанализ. – Москва: ИОИ, 2010.
3. Кляйн М. Заметки о некоторых шизоидных механизмах: [перевод В.В. Ягнюка]; [Электронный ресурс]. – URL: https://www.psychol-ok.ru/lib/klein/rvp/rvp_09.html (дата обращения 1.09.2025).
4. Фордхам М. Возникновение детского анализа [Электронный ресурс]. – URL: https://www.maap.pro/biblioteka/stati/fordham_vozniknovenie_detskogo_analiza.html (дата обращения 1.09.2025).
5. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – Москва: Когито-Центр, 2006.
6. Юнг К.Г. Структура и динамика психического. – Москва: ИОИ, 2021.

Мосенков Валерий Сергеевич

*Юнгианский аналитик
(ААПР/ААР)
Профессиональный член ААП
Член ААПР
г. Санкт-Петербург, Россия
mosenkov.v@gmail.com*

«Мой дом, мои правила, мой кофе». **Этические аспекты индивидуации**

Аннотация

В докладе, помимо небольшой теоретической преамбулы, посвященной взаимосвязи этики, философии и аналитической психологии, будут рассмотрены некоторые этические аспекты, которые возникают и решаются на аналитических сессиях. С использованием материалов из случаев клиентов, сказок и кинематографа автор рассмотрит аналитические ситуации, связанные с этическими вопросами. Также исследуется вопрос, как этические проблемы могут быть представлены в психике клиентов и какие условия могут способствовать трансформации и индивидуации в аналитическом процессе.

Ключевые слова

Этика, философия, психология, наука, аналитическая психология, индивидуация, этический комплекс.

Введение

Иногда символический материал, относящийся к той или иной тематике, мы можем видеть в произведениях искусства, литературе и кинематографе. Так, в фильме режиссера Райана Джонсона «Достать ножи» одним из главных героев является кружка, которая принадлежит хозяину дома [1]. На ней написано *«мой дом, мои правила, мой кофе»*. И хотя никто из героев не произносит этой фразы вслух, мне кажется, что смысл сюжета этого фильма скрыт именно в этой фразе. И поскольку, этика очень часто имеет дело с правилами, я решил использовать этот слоган в названии своего доклада.

Но вначале я бы хотел кратко остановиться на проблеме, которая, на мой взгляд, проявилась благодаря названию конференции. Я имею в виду соотношение психологии и философии.

Философия, психология и наука

Очевидно, что ключевым словом в названии нашей конференции «Этика: свобода и ограничения» является «этика». Однако важно, на мой взгляд, понимать, что этика – это значительно более широкое понятие, чем этический кодекс психологической ассоциации или правила поведения на сессии. В первую очередь этика – это нормативная наука, одна из частей философии, философская дисциплина. И с точки зрения философии, одна из основных проблем, решаемых этикой – это проблема критериев добра и зла. И в этом плане я бы хотел высказать несколько наблюдений, связанных с использованием психологами философского знания.

Сначала обратим внимание на то, что в названии нашей конференции понятия «ограничения» и «свобода», на мой взгляд, не являются парой противоположностей с точки зрения критериев добра и зла. Ограничения могут быть «во зло» и «во благо», и свобода может быть «во зло» и «во благо». Например, ограничение свободы преступника, находящегося в тюрьме, для общества является добром, а для самого этого человека – злом. Или, например, гиперопекающая мать. Она считает, что делает добро, постоянно опекая своего ребенка и защищая его от возможных неожиданностей и страданий. Но, поскольку самому ребенку в таких условиях очень трудно себя проявить, в какой-то степени поведение его матери можно рассматривать и как зло. В этом плане философская позиция может значительно расширить этическую установку психолога.

Известно также, что психологическое знание долгое время жило и развивалось в лоне философии. Но после известных экспериментов Вильгельма Вундта в 1861 году психология стала выделяться в самостоятельную науку. Это разделение усилилось в XX веке с появлением в

психологии различных направлений и течений. Психология стала активно пересекаться с другими отраслями научного знания: медициной, нейронауками и другими.

В нашей стране символическое отделение психологии от философии произошло на рубеже 1970-х годов, когда в Москве и Ленинграде появились факультеты психологии. До этого психология «жила» на философских факультетах, на кафедрах психологии и развивалась как гуманитарная дисциплина.

Все отечественные психологи того времени были во многом философами потому, что заканчивали философские факультеты. По мере того как психология отделилась от философских, в каком-то смысле материнских, оснований, психологи постепенно переставали быть философами. И на мой взгляд, во многом теряли свою философскую устойчивость. Хорошо это или плохо? Конечно, как и во всяком изменении, вызванном развитием и самой жизнью, есть и положительные, и отрицательные моменты. Но что-то мы, возможно, все-таки потеряли.

Возьмем, к примеру, нашу уважаемую гостью из Швейцарии Ренату Даниел. У нее есть европейская ученая степень – доктор философии в области психиатрии и психотерапии (PhD)³. Обратите внимание, что она сначала философ, а уже потом медик, врач и психотерапевт.

В нашей стране до определенного времени всех кандидатов и докторов наук тоже можно было назвать докторами философии потому, что они сдавали так называемый кандидатский экзамен по философии, и, кроме того, первая часть диссертационной работы, как правило, была посвящена философским проблемам исследуемой предметной области. Но в 1990-е годы с исчезновением коммунистической идеологии и массового изучения философии, философское знание стало выветриваться из научных работ. Со временем в них осталась только голая специализация, без философского обоснования.

Несмотря на то что кандидатская диссертация формально продолжала считаться квалификационной работой, где соискатель должен был продемонстрировать свое владение научным мировоззрением, научными методами познания объективной реальности и умение использовать их для получения нового научного результата, но философии в ней почти не осталось. Может быть, именно поэтому в последнее время отечественная наука подвергается серьезной критике, а ученые степени скомпрометировали себя. Как следствие, количество докторов наук в Российской Федерации за последние годы катастрофически уменьшилось.

³ сокращенное обозначение от Doctor of Philosophy

Философия и аналитический психолог

Для аналитического психолога философия, на мой взгляд, не менее важна, чем для ученого.

Известно, что основной вопрос философии звучит примерно так: что первично – сознание или материя? А второй основной вопрос философии: познаваем ли мир? Очевидно, что оба основных вопроса философии имеют психологическую окраску.

В XIX веке учение о человеческом сознании активно развивали именно ученые-философы. Может быть, сейчас это многим неизвестно, но большой вклад в развитие теории сознания внес близкий друг и соратник Карла Маркса – Фридрих Энгельс. В настоящее время, в европейских гуманитарных вузах его работы и по сей день очень активно изучают при подготовке профессиональных психологов.

Кроме того, когда в практике используются слова «*отражение*» или «*отзеркаливание*», многие психологи не задумываются, откуда они появились в психологическом словаре. Важно, на мой взгляд, помнить и знать, что автором теории психического отражения является Владимир Ильич Ленин. Он изложил ее в своем основном философском труде «Материализм и эмпириокритицизм», который вышел в свет в 1909 году одновременно на русском и немецком языках [4]. До сих пор эта теория лежит в основе программы высшего профессионального образования в области психологии в нашей стране.

Интересно, что 1909 год очень значим в истории развития психоанализа и аналитической психологии. С учетом того, что К.Г. Юнг был в определенной степени философом, можно предположить, что он наверняка интересовался всеми философскими новинками своего времени, тем более такими фундаментальными.

Известно, что К.Г. Юнг рано увлекся философией. Есть даже предположение биографов, что он считал себя дальним потомком Иммануила Канта. И, можно предположить, что основой, созданной им впоследствии аналитической психологии, явилась философская база тех работ, которые он изучал с ранней юности.

В.И. Ленин сформулировал в своей работе фундаментальное философское противоречие между идеализмом и материализмом: *«Материализм есть признание „вещей в себе“ или объектов вне сознания; идеи и ощущения суть копии или образы этих объектов. Противоположная доктрина (идеализм) говорит: „вещей в себе“ не существует, вне сознания „вещей в себе“ нет; они суть „связи ощущений“»* [4]. Интересно, как реагировали З. Фрейд и К.Г. Юнг на эту работу и знакомились ли они вообще с ней. Мы можем судить об этом только по косвенным признакам.

Так, К.Г. Юнг с 1902 по 1910 год участвовал в разработке ассоциативного метода – теста словесных ассоциаций. Первая публикация К.Г. Юнга по ассоциативному эксперименту появилась как раз в 1909 году в институте Кларка в США. По сути, с философской точки зрения, это был научно обоснованный метод доказательства существования бессознательного.

И действительно, с помощью теста словесных ассоциаций К.Г. Юнг с определенной долей вероятности доказал, что в психике человека существуют неосознаваемые им содержания, которые влияют на его эмоциональное состояние и восприятие реальности.

Можно предположить, что К.Г. Юнг как бы доказывал этой работой свою материалистическую, научную позицию ученого.

Почти в то же время З. Фрейд, будучи по образованию неврологом, стал искать нейрофизиологические основания созданного им психоанализа в новых открытиях нейронауки. Иначе он мог бы попасть в критикуемую В.И. Лениным когорту «эмпириокритиков», опирающихся на «ненаучный чувственный опыт».

Действительно, не было ли такого, что и З. Фрейд, и К.Г. Юнг, чтобы не быть признанными идеалистами, срочно стали искать научные материалистические методы доказательства существования бессознательного?

Таким образом, быть аналитическим психологом и не быть в определенной степени философом, это нонсенс. Чтобы понять это, достаточно помнить, что К.Г. Юнг был философом, и аналитическая психология стоит в том числе и на философском основании, а не только на медицинском, психиатрическом.

Игнорирование философии, на мой взгляд, делает позицию аналитического психолога очень уязвимой и неустойчивой. Именно философские основания позволяют ему подниматься над проблемой и видеть всего человека, а не только его симптомы.

Этика и аналитическая психология

К.Г. Юнг наиболее подробно высказался по поводу этики лишь в предисловии к книге своего ученика Эриха Нойманна «Глубинная психология и новая этика», вышедшей в свет в 1949 году и содержащей глубокую исследовательскую работу в области этики и аналитической психологии. Эрих Нойманн утверждал, что новая этика должна быть основана на стремлении осознать как позитивные, так и негативные силы в человеческом организме и осознанно установить взаимосвязь между этими силами и жизнью индивида и общества [6]. То есть, выражаясь в терминах аналитической психологии, изгнанная из жизни Тень требует своего признания.

По мнению Э. Нойманна, в психологическом отношении примирение с Тенью создает необходимую основу для реального формирования этического отношения к тому, кто находится вне человека [6]. Поэтому, как отмечали многие авторы, главный этический вопрос в аналитической психологии состоит в принятии и ассимиляции Тени. Однако перед этим всегда необходимо встретиться с ней и обнаружить ее в себе.

Проблема Тени, как говорил К.Г. Юнг, – это всегда моральная проблема для клиента [7].

Известно, что принципы морали восходят к одному верховному принципу, который И. Кант назвал категорическим императивом. Категорический императив И. Канта гласит: *«поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»* [3].

Вероятно, формулировка категорического императива И. Канта имеет универсальный, может быть даже архетипический, характер для всех людей, живущих на Земле. Однако на практике люди по-разному приходят к интериоризации этого правила. Некоторые могут формулировать его для себя уже в раннем подростковом возрасте (11-13 лет), а другие так и не приходят к нему на протяжении всей своей жизни, одержимые властными комплексами и защитами. Почему это происходит? Вероятно, это обусловлено не только личным развитием и воспитанием, но и какими-то внутриспсихическими причинами.

Этические образы в психике

На мой взгляд, для аналитических психологов большой интерес представляет вопрос, как или в виде каких образов этические аспекты поведения могут быть представлены в психике наших клиентов?

Известно, что первоначально смыслом слова «этнос», от которого образован термин «этика», было совместное жилище и правила, порожденные совместным проживанием.

Интересно, что часто в сновидениях моих клиентов, решающих для себя этические вопросы и вопросы интеграции Тени, в том или ином виде появлялись образы домов. Например: *«я нахожусь в комнате моей матери ...»*, *«я пришла в безлюдную гостиницу на берегу моря ...»*, *«в доме моего отца я долго искал выход ...»*, *«я спускаюсь по лестнице на первый этаж общежития ...»*, *«я оказался в школе, где не был уже много лет ...»* и т.п.

В аналитической психологии наиболее часто повторяющиеся образы сновидений можно исследовать с помощью сказок, которые иногда в символической форме отражают внутриспсихическую динамику развития психики человека.

Так, одной из самых известных сказок, содержащих образ дома, является английская сказка «Три поросенка». В России и Советском Союзе используется ее адаптированный вариант, написанный нашим известным советским писателем и поэтом Сергеем Владимировичем Михалковым [5].

На мой взгляд, эта сказка повествует в символическом виде об объединении и интеграции трех частей человеческой психики с разными уровнями организации: психотической, пограничной и невротической. Каждый поросенок при этом символизирует свой тип детской психики. Ключевой момент этой сказки происходит, когда Наф-Наф впускает в свой дом двух своих младших братьев Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа, убегающих от волка. Волк, в свою очередь, символизирует звериный примитивный аспект человеческой психики, доставшийся нам от наших диких предков. Действительно, в особых условиях человек может потерять человеческий облик и вести себя как животное, подобно волку. Чтобы стать человеком, то есть индивидом, живущим по человеческим правилам, важно объединить все три уровня психики и не избавиться, но интегрировать наш теневой, звериный аспект. И это происходит в сказке. Поросята, объединившись, становятся другими. Они оказываются способными совершить зло и открыть крышку котла с кипящей водой, куда попал ничего не подозревающий волк. Однако теперь они уже осознают, для чего они это делают. С этого момента поросята будут жить все вместе в одном доме и устанавливать правила, по которым они будут взаимодействовать. Вероятно, интеграция трех частей психики и нашей животной Тени является необходимым условием для возникновения способности создавать и соблюдать правила. В противном случае, если эта сказка не воплотится в развитии какой-то индивидуальной психики, это может привести к различным психическим расстройствам, потому что каждый вид психики будет жить в страхе одержимости животным началом и выстраивать в связи с этим мощные защиты, которые могут негативно сказываться на общем развитии и индивидуации. Или другой вариант, человек может символически проживать свою жизнь в чужом доме, так и не став на путь индивидуации, и исполнять, и воплощать чужие пожелания и ожидания. Этика – это еще и показатель развития сознания человека и общества.

Этапы интеграции психики и появление способности создавать правила и жить по правилам часто можно увидеть в сериях детских песочных композиций, построенных в рамках метода юнгианской песочной терапии (сэндплей). Создание свободного и безопасного пространства в кабинете аналитика, позволяет детской психике реинтегрироваться и встать на свой путь индивидуации, определяемый Самостью [2].

«Мой дом, мои правила, мой кофе»

Приобретя возможность создавать правила, человек сталкивается с новым вызовом – это внутреннее противодействие ограничениям и правилам. Часто люди скрывают это свое нежелание соблюдать правила даже от самих себя, и оно становится достоянием Тени. Появляется еще одна дихотомия человеческой жизни – правда и ложь. В фильме «Достать ножи» режиссера Райана Джонсона [1] вся жизнь семейства хозяина дома, богатого детективного писателя Харлана Тромби, была построена на лжи. Его родственники жили, по сути, за его счет, создавая иллюзию соблюдения правил и этических норм. Все они лгали. Лишь одна героиня фильма – молодая медсестра Харлана – Марта Кабрера не умела лгать. У нее был особенный невротический симптом, как только она говорила неправду, ее начинало сильно тошнить. Она появилась совсем недавно в его доме, но смогла быстро войти в доверие к хозяину, и он, в свою очередь, сильно привязался к молодой женщине.

Символически Харлан не был хозяином в своем доме, так же, вероятно, как и его Я в его собственной психике. Он писал детективы, где следователи и сыщики распутывали и изобличали обман преступников. Его романы можно рассматривать как повторяющиеся сновидения, как настойчивые требования его Самости провести расследование в его собственном доме и установить там правила. Появившийся новый образ медсестры, которая не умеет говорить неправду, стал для психики Харлана катализатором, триггером, запустившим процессы трансформации. Ко дню своего 80-летия он решил навести порядок в своем доме, вывести всех на чистую воду и установить правила. Однако эта старая установка, которую олицетворял Харлан, уже не могла противостоять установившейся системе, вероятно, потому, что она сама была ее частью. Кроме того, сама система, почуяв угрозу трансформации, стала противостоять ему. Это выразилось в том, что один из его внуков спланировал убийство своего деда, с целью занять его место и сохранить прежнюю установку. Харлан же, догадавшись, что против него спланировали жестокое преступление, и желая спасти молодую медсестру, убивает себя сам. Знаменитый частный сыщик Бенуа Бланк, безусловно, во всей этой истории представляет трикстерную фигуру. У него особенный метод расследования. Он не делает ничего лишнего, он просто наблюдает, как система, созданная Харланом, постепенно изобличает сама себя во лжи. Понимая, что главную угрозу этой системе представляет правдивость молодой медсестры Марты, он старается ни на шаг не отпускать ее от себя. И действительно, обстоятельства складываются так, что преступник в итоге проявляет себя и показывает свои истинные намерения, стараясь убить Марту. Однако по иронии судьбы, он не может осуществить свой замысел, потому что сам оказывается жертвой,

установленной в этом доме системы лжи и обмана. Все ножи в этом доме были ненастоящими, и он не смог использовать один из них для убийства Марты.

Но, с символической точки зрения, он все-таки убил в ней прежнюю установку сознания, которая не имела своего дома и жила по чужим правилам.

Взаимодействие с Трикстером – сыщиком Бенуа Бланком – и его защита способствовали усилению сознательной установки Марты. Под угрозой и страхом разоблачения она была вынуждена юлить и обманывать, что противоречило ее ригидным правилам и разрушало их. В результате этой работы она смогла ассимилировать свою Тень и справиться с невротическим симптомом. По сюжету фильма Марта смогла сказать неправду потенциальному преступнику, чем спровоцировала его на крайние действия, которые и выдали его.

В итоге она становится по завещанию прямой наследницей Харлана и получает дом, его деньги и его бизнес. В последней сцене фильма Марта стоит на балконе уже своего дома и держит в руках кружку его бывшего хозяина с надписью «мой дом, мои правила, мой кофе». Символически этот образ можно рассматривать как результат трансформации ригидной сознательной установки в новую, более целостную. Теперь Марта сама является хозяйкой своей психики (мой дом), может устанавливать свои правила (мои правила) и делать то, что приносит ей удовольствие и удовлетворение (мой кофе). На внутриспсихическом уровне можно также говорить о преобразовании этического комплекса, который перестал быть для Марты невротическим и стал эго-синтонным, то есть согласующимся с ее Эго.

Подобным образом аналитическая работа с клиентами, связанная с этическими запросами, может включать в себя интеграцию психики, ассимиляцию Тени и преобразование этического комплекса. В конечном итоге это может привести к изменению прежней деструктивной по отношению к себе и другим установки сознания.

Список использованной литературы

1. Достать ножи (англ. Wake Up Dead Man. A Knives Out Mystery): художественный фильм / автор сценария и режиссер: Райан Джонсон; оператор Стив Йедлин; художник-постановщик Рик Хайнрикс; композитор Нэйтан Джонсон; в ролях: Дэниел Крейг, Джош О'Коннор, Гленн Клоуз, Мила Кунис [и др.]; кинокомпании «T-street Productions», «Ram Bergman», «Productions». – Москва, 2025.
2. Калфф Д. Сэндплей и его целительное воздействие на психику: [перевод с английского Ю. Новгородовой]. – Москва: Центр Гуманитарных Инициатив, 2021.
3. Кант И. Критика практического разума: [перевод с немецкого] – Москва: Эксмо, 2015.
4. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. – Москва: Издательство политической литературы, 1968.
5. Михалков С.В. Три поросенка. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2019.
6. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. Человек мистический: [пер. с англ. Ю.М. Донец] – Москва: Издательский дом «Академический проект», 1999.
7. Юнг К.Г. Структура и динамика психического: [перевод с немецкого] – Москва: Когито-центр, 2009.